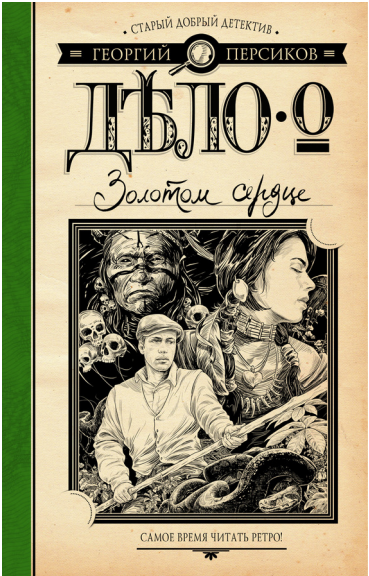

Георгий Персиков
Дело о Золотом сердце
Серия «Старый добрый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17035930
Дело о Золотом сердце: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-093456-0

Аннотация

В гости к Георгию Родину, практикующему врачу провинциального городка Старокузнецка, приезжает его старший брат, известный путешественник. В числе прочих дорогих подарков он привез золотой амулет в виде сердца, принадлежащий, как гласит легенда, мифическому индейскому племени любви. Но с появлением этой вещицы в городке начинают происходить странные события... Будучи реалистом, Георгий не верит в магическое воздействие амулета и, пытаясь найти рациональное объяснение всему происходящему, снаряжает экспедицию в амазонские джунгли.

Однако буквально с первых шагов участников экспедиции начинает преследовать неизвестный злоумышленник...

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Георгий Персиков

Дело о Золотом сердце

© Г. Персиков, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Моему деду Георгию Ивановичу и бабушке Клавдии Васильевне,
которые чуть-чуть не успели прочитать эту книгу*

Пролог

В начале времен земля была бесплодна, а у мужчин не росла борода. Лишь позже начали появляться деревья. В начале времен пена на Амазонке была черного цвета. В начале времен не было ни еды, ни снадобий. В начале времен люди были с хвостами. В начале времен на месте болот была трава. В начале времен все убивали каждого, потому что у них не было сердца. Лишь когда мудрец Нофуетома, что пришел в племя карихона из-за высоких гор, сделал из золота сердце, люди узнали, что такое любовь. Но было то в начале времен.
Из сказаний индейского племени карихона

Болота постепенно окружали островок в сердце Амазонии, но были еще далеко. Река совсем недавно стала заболачиваться и покрываться ряской. Когда болота накроют землю племени карихона, народ будет печалиться. А пока можно веселиться.

Лик великого бога только-только вынырнул розовым краешком из вод реки. Восхода над зеленой стеной джунглей стоило ожидать еще нескоро. Но старуха Йомира еще затемно согнала всех незамужних девушек и молодых жен племени к длинному столу под навесом из листьев – работы предстояло очень много. «Проклятая Летучая Мышь, сама уже забыла про сон и нам спать не дает!» – ворчали сонные молодухи. Конечно, в глаза ее никто не осмелился бы так называть. Только Йомира-вос, Большая Мать, или же просто Старшая. Испокон веков в племени карихона, затерявшемся в бесконечных джунглях Амазонии, так именовали мать вождя.

Перед тем как стать главной женщиной племени, Йомира тридцать лет была женой могучего касика Тарири. Трое ее сыновей должны были получить красно-черное копье и плащ, украшенный перьями попугая-ара, – символы власти. Но отцовского долголетия не досталось никому из них – парни не успели даже жениться. Год назад вождем стал младший сын Йомиры – быстрый и отважный Шиботка, прозванный за мастерское владение копьем Слепнем. Сегодня был день его свадьбы. Именно поэтому Летучая Мышь спозаранку созвала девушек.

Пир должен был изумить изобилием всех карихона и приглашенных со стороны невесты. Юный вождь во главе лучших охотников племени добыл дюжину жирных поросят-пекари. Для старейшин и почетных гостей еще с вечера на угли положили, не снимая панциря, двух крупных броненосцев-армадилло. Великий жабий колдун, что жил на заброшенном озере и давал советы всем соседним племенам, прислал со своим учеником жирную жабу, покрытую сочащимися слизью бородавками. По словам мальчишки, стоит ее лизнуть – и будешь танцевать более суток.

Бранясь в полутьме и то и дело поминая подводного Ариму, одни женщины раздвигали тушки откормленных койи – морских свинок, другие месили тесто из свежемолотого маниока – Йомира распорядилась, чтобы на свадьбе было вдоволь пирожков с тыквой, сладкой курубой и фейхоа. Дожидались своего часа только что срезанные початки молочной кукурузы – их должны были запечь. А в ее нежные листья ловкие девушки заворачивали традиционные тамалес с десятком разнообразных начинок.

Две женщины среднего возраста фаршировали огромную панцирную щуку растертыми кремовыми орехами с кислицей и тамарилло. В трех больших горшках булькала лимская фасоль с картофелем, томатами и острыми перчиками – через несколько часов варево превратится в ароматную пасту, которую мужчины будут мазать на лепешки и заедать этим фруктовую брагу-пульке. Гигантский чан хорошенько перебродившего напитка из папайи,

ананаса, наранхиллы и сладкого огурца стоял под крышкой. Но мухи и осы так и вились рядом, жаждая утонуть в хмельном море, которого с избытком хватило бы для утопления пятерых взрослых мужчин. Но юноши, старики и воины в расцвете лет спали, набираясь сил перед празднеством. Ибо оно сулило не только семейное счастье юному вождю, но и долгожданный мир для всего племени.

Юная тонкая Пиипи – невеста Шиботки-Слепня – была дочерью Хитари-Камня, вождя племени болотных людоедов.

Карихона испокон веков недолюбливали своих соседей из заболоченной чащи – за обычай поедать поверженных врагов и полнейшее отрицание даже намека на ведение сельского хозяйства. Большеголовые, низкорослые, кривоногие, с огромными мускулистыми руками, касающимися земли, людоеды, в свою очередь, презирали приречных соседей, называя их землероями и бабьими подхалимами. Женщины всегда пользовались большим уважением у карихона, чем у болотных жителей, потому оскорбление их чести не раз вызывало кровопролитие между двумя народами. К несчастью для речных обитателей, людоеды были свирепыми и умелыми бойцами.

Последняя война унесла жизни двоих сыновей Йомиры и Тарири – предшественников Шиботки в плетеном красном кресле касика племени. Мудрая Йомира решила навсегда положить конец кровавому безумию. Через шамана людоедов Мать внедрила в голову их вождя мысль, что его единственная дочь несомненно будет счастливее в браке в том племени, где женщины имеют больше власти. И обмен даров полей на болотную дичь сулит куда большую сытость, нежели обглаживание жестких мослов речников. А первенец в этом равном браке по праву крови сможет возглавить и болотный, и речной народы. То, что у такого могучего воина обязательно родится мальчик, сомневаться не приходится. Да и кроме того, колдун карихона хранит могущественный талисман – Золотое сердце, – несправедливо, конечно, а что поделаешь?

Дипломатический яд достиг своей цели. Ибо иных наследников, кроме Пиипи, у кровавого каннибала не было. Он ее обожал и ласково называл Червячком – за гибкий стан и точеные ножки, но власть над своим народом передать ей не имел права. По этой причине болотные воины не вспарывали животы ротозеям-разведчикам из речников в предраусветных сумерках, а несли невесту на носилках из лиан по узким тропкам. Ее отец возглавлял процессию и незаметно для остальных улыбался, радуясь тому, как ловко он пристроил дочку...

Счастье одних порой означает убытки, печаль и даже беду для других. Брачный союз карихона и каннибалов шел вразрез с планами еще одного могучего племени, занимавшего обширные земли на востоке. Речные и болотные люди крайне редко пересекались с воинственным народом амазонок – чибча-муиски.

Однако легенд и преданий о бесстрашных воительницах хватало и у тех, и у других. «Они никогда не берут в плен!» – зловеще подвывая, пугали смуглых детишек с широко распахнутыми глазенками старухи-рассказчицы. «Никто в бою не видел их спины», – с серьезными лицами рассказывали отцы своим сыновьям. «Но мужчин они убивают, лишь те наполнят их лона своим семенем», – с осуждением ворчали старики в своем кругу.

Ну а поскольку слово старейшин весило больше, чем чье-либо еще, включая даже Йомиру, переговоры с амазонками так и не состоялись. Между тем глава чибча-муисков Патобчи предлагала старшую дочь – редкую красавицу, по мнению всех, кто ее видел, – выдать за Шиботку. Ради политических целей женщины-воины были готовы отступить от своей вековой традиции похищать и казнить женихов, а к самому юному вождю обещали относиться даже с почтением, невзирая на его принадлежность к «слабому» полу. Но старики предпочли союз с болотниками – пусть они и едят человечину, но в остальном жизнь у них устроена правильно.

Впрочем, не мужская стать Шиботки и не сила стоящего за ним племени соблазнили чибча-муисков на неслыханные уступки. У карихона уже много поколений хранился могущественный талисман. И по слухам, нельзя его было ни украсть, ни завоевать.

Тысячи лун тому назад одно благородное и мудрое племя из тех краев, о котором не слышали даже самые старые, нашло однажды приют у карихона. Бежали они от великой войны с жестокими завоевателями, именовавшими себя ацтеками. Те пришли с мечом и огнем в земли мудрых майя и уничтожили то, что создавалось веками. Не щадили они ни старых, ни малых – об этом поведали вождю и старейшинам меднолицые странники. Пришли они не с пустыми руками – принесли семена многих растений, научили лесовиков обтесывать черный и зеленый обсидиан, ковать медь и ткать из травяных волокон одежду. Жизнь карихона словно окрасилась лучами доброго Солнца, а их самих стало больше во столько раз, сколько пальцев на руках без одного.

Но главное чудо сотворил старый колдун Нофуетома. Увидев с горечью и болью, что даже в этом затерянном болотном краю ненависть и жестокость уничтожают жизнь и любовь, он выковал Золотое сердце, оберегавшее племя от болезней и голода, дарившее долголетие и плодovitость супругам и хранившее детей от всевозможных напастей. Шаманы племени с той поры были потомками Нофуетомы и с обязанностями справлялись неплохо. Ведь не напрасно соседи частенько называли карихона счастливым племенем и даже племенем любви.

Вот и амазонки хотели мирным путем получить частичку благословения – в последнее время племя стало болеть и вырождаться, похищенные мужчины давали плохой приплод. Отказ первой красавице чибча-муисков оскорбил племя донельзя. И ее мать, грозная Матушка-Скала, вместе с самым опытными воительницами решили на совете – раз нельзя заполучить Золотое сердце по-хорошему, отнимем его силой. Глупые карихона еще не раз покаются за свой неправильный выбор.

Разведчицы прокрадутся вдоль берега реки. Их задача – внезапный и бесшумный бросок на часовых, наблюдающих за желтыми водами могучего потока. После этого вверх по течению должны будут подняться тяжелые боевые пироги со штурмовым отрядом, ведомым неустрашимой Патобчи. Неожиданная атака в разгар праздника сулит успех. Перепившиеся речники и болотники, еще не ставшие настоящими союзниками, с высокой долей вероятности сочтут происходящее вероломством друг друга.

– Тупые мужики, они так и не успеют сообразить, кто именно их поубивал. А жаль! – презрительно подытожила военный совет Матушка-Скала.

Тогда-то и попросилась Баниика-Мошка, отвергнутая невеста, возглавить вылазку разведчиц.

– Мать, я должна проложить дорогу для воинов. Никто не издаст ни звука, никто не уцелеет! – Получив одобрительный кивок родительницы, дочь добавила: – Ты заберешь Золотое сердце, а мне оставь сердце Шиботки – я сама его вырежу и съем сырым!

Она сжимала в руках кинжал из сварции – железного дерева, представляя, как будет кромсать тело речника, избравшего другую. Упоение предстоящей мстью было сладостным. Хотя девушка не ела уже вторые сутки, тонкие ароматы свадебного стола не кружили ей голову. А вот ее подруги с нетерпением ждали нападения и разграбления богатой деревни. Пиршество после победы обещало быть запоминающимся...

Когда отряд Пачакутека выходил из Куско, в нем насчитывалось более тысячи воинов. Вьючные ламы и молчаливые рабы несли пищу и оружие. В пяти паланкинах передвигались жрецы Инти – бога Солнца, прародителя императора. Вместе с ними сидели чиновники, прикрепленные от канцелярии его величества Инки Уайна Капака. Даже летописцев-кипукамайоки послали, дабы те прилежно вязали узелки на нитях, фиксируя все детали похода.

Они были жуткой обузой, худшей, чем атлатли-копьеметалки. Против кого применять это грозное, но громоздкое оружие? Против лесных дикарей, которые бегут в атаку с деревянными кольями и духовыми трубками? До них еще нужно добраться, а дорога не из близких. Седовласый Пачакутек сжимал копье, словно хотел раздавить древко, и скрежетал зубами, но возразить против откровенной глупости снарядившего экспедицию младшего брата Великого Инки не посмел.

– На востоке нет дорог, айлью, – почтительно пробормотал военачальник.

– Высокочтимый Инка айлью – так ты должен ко мне обращаться, деревенщина! – раздраженно бросил девятнадцатилетний брат Солнцеликого.

Досадную ошибку можно было трактовать как проявление неуважения к монаршей крови, что каралось в империи различными изобретательными способами, весьма мучительным образом приводившими к неизбежной смерти. Пачакутек считал разумным пасть ниц и покинуть зал, пятясь на четвереньках. Вот и поговорили о подготовке и тактике.

Спуск с Анд стоил жизни сотне воинов – лавины, оползни, чересчур узкие тропы. Путь через джунгли к истокам великой реки уменьшил отряд еще на полтора ста воинов – свою лепту внесли хищники, коварные трясины и непривычные для горцев болезни. После гибели половины рабов-носильщиков и почти всех животных Пачакутек приказал вытряхнуть из паланкинов привилегированное сословие.

– Носильщиков не хватает для оружия и припасов. Идите своими ногами или сдохните, – бесстрастно объявил присмирившим жирдяям свое решение суровый командир.

После столкновения с болотными духами из оставшегося безымянным племени уцелели только один жрец и один кипукамайоки со своим пучком нитей и узелков. А воинов осталось лишь три сотни. Деревянные доспехи прекрасно защищали от копий, палиц-макан и топоров, но проклятые дикари плевались ядовитыми шипами в открытые шеи, лица, запястья. Разведчики Пачакутека нашли их деревню, после чего воины раскололи черепа боевыми молотами всем – от мала до велика. Но даже жестокая месть не утешила командира – слишком высокую цену пришлось заплатить за бальсовые стволы для плотов, которые лесные духи, как оказалось, почитали священными.

«Идти нужно было налегке, небольшим отрядом – я это знал с самого начала», – неотступно терзала старого и опытного Пачакутека мрачная мысль на протяжении всего сплава вниз по течению.

Тупак Инка Юпанки, отец нынешнего императора, был грандиозным человеком. Пачакутек служил в его гвардии и пользовался расположением Великого Инки не только за то, что был тезкой покойного отца монарха. И не за одно воинское мастерство ценил его покоритель народов и собиратель земель. Молодой копьеносец отличался острым умом. Именно поэтому император частенько держал его при себе, когда слушал доклады разведчиков из дальних земель.

– Ты хорошо знаешь мои земли и то, что за их пределами. И тебе должно хватить разума, чтобы понять, в какую сторону будет выгодно и мудро двинуть войска в следующем году и позже, – медленно говорил великий и ужасный Тупак, не отводя тяжелого взгляда от способного юноши.

О племени карихона, ночь их заberi, и чудесном Золотом сердце, дарующем долголетие и урожаи и исцеляющем болезни, император узнал незадолго до своей смерти.

– Я бы сказал, что все это чушь и бабьи сказки, – в свойственной ему тягучей манере произнес Великий Инка. – Но майя... Если кто-то из них нашел приют в том племени... Да, они были великими мудрецами. И лучшим из них по силам было сотворить подобное.

Разведчик немного помялся и сообщил:

– О Сапай апу Капак Инка, прознали мы также и о пророчестве создателя того Золотого сердца, колдуна Нофуетомы. Он предсказал, что тех, кто попытается отнять талисман, ждет

ужасное несчастье. Белые звери в сверкающих одеждах с двумя головами на четырех ногах с громами и молниями в руках придут в земли воров и падет их гнев на головы и старых, и малых. А сердце без любви поразит своей любовью то сердце, к которому оно прикоснется.

Вряд ли черные слова давно сгинувшего шамана произвели хоть какое-то впечатление на императора. Известно, что колдуны плохо держат мечи в руках, а потому все, что им остается для устрашения врагов, – это витиеватые угрозы. Но снарядить экспедицию собрался только сын Тупака – через много лет после восшествия на престол. Жуткая эпидемия, косящая народ тысячами, не разбирая бедных и богатых, пришла с севера. Поговаривали что-то про белых дьяволов на огромных каноэ с белыми крыльями, которые наслали болезнь, но Великий Инка отнес слухи к пророчеству о Золотом сердце. Уайна Капак был прагматичным государем, а потому и поручил младшему брату доставить в столицу чудодейственный талисман. Желательно до того, как город Куско вымрет...

Полуденное солнце заливало своими лучами деревню, обширные поля и сады, золотило реку и играло на листьях зеленой стены джунглей. Карихона в нарядных одеждах и болотное племя в доспехах из гибких прутьев стояли вокруг каменной пирамиды – все безоружные. Построенная под руководством мудреца, она была единственным подобным сооружением на сотни миль вокруг. Потомок легендарного колдуна, действующий шаман племени Соби Нофуетомы вел по ступеням жениха и невесту. Завораживающее зрелище, казалось, заставило замолкнуть даже неугомонных птиц. Статный старец, плечистый высокий юноша и изящная гибкая девушка медленно поднимались. Для Пиипи свекровь припасла яркое зеленое платье. Ощущение ткани на теле было непривычным юной людоедочке, от щекотки она время от времени подхихкивала. Шиботка в черном плаще поверх красной туники, напротив, был предельно серьезен. Уж он-то сызмальства знал, что свадебного обряда на пирамиде удостоивается не каждый вождь, ибо к великому богу обращаться можно очень редко и лишь ради общего блага. Соби пел торжественный гимн на не известном никому из присутствующих языке. Многочисленные золотые амулеты на толстых цепочках покрывали его обнаженный торс, словно броня. Они слепили непривыкших гостей яркими бликами, убеждая их в том, что шаман речников и впрямь силен. Отец невесты сжимал и разжимал кулаки – Червячок покидала его навсегда, и глаза свирепого каннибала предательски щипало. А Йомира Летучая Мышь молилась про себя за сына, за свою будущую невестку, за их детей, которым суждено народиться, и за все большое племя карихона.

Когда тройца оказалась на вершине пирамиды, солнце достигло зенита. Шаман высоко воздел руки и начал речь:

– Пред ликом великого бога любви я свидетельствую, что два народа, как и два чада этих народов, готовы заключить вечный союз ради общего блага, счастья и процветания. Шиботка, касик карихона, берет в жены Пиипи, дочь могучего Хитари. Они будут единым целым, как и два наших народа отныне будут одной семьей.

Соби поднял высоко Золотое сердце. На вершине пирамиды оно было бы едва заметным, но солнечные лучи пускали от него во все стороны веселых зайчиков.

– Частичка силы Великого Солнца заключена в этом сердце. И я прошу его прародителя наделить своим благословением этих юношу и девушку и всех людей их племен. Пусть же дети рождаются часто и растут здоровыми. Пусть на полях созревают богатые урожаи. Пусть река и лес щедро награждают охотников, а их хозяева – Черный Кайман, Исари-Анаконда и Ковитсама-Ягуар – не забирают взамен человеческие жизни. Пусть болота отойдут и даруют нам сушу. Пусть мир и согласие царят в наших землях. О Великий бог, узри нас и услышь через свое Золотое сердце! Мы верны тебе и не просим многого. Мы дарим тебе нашу любовь и лишь любви просим в ответ!

Шаман начал обходить жениха и невесту, держа на вытянутых руках Золотое сердце. Это был кульминационный момент всего обряда. Сотни людей, обступивших пирамиду, затаили дыхание.

В воздухе что-то звонко тренькнуло и свистнуло. Бывалые охотники, не сообразив даже, что происходит, присели, судорожно ища оружие за спинами и на бедрах, но его не было. Стрела пронзила грудь Хитари, и могучий вождь болотников рухнул как подкошенный.

– Предательство! – крикнул кто-то из гостей. – Они подло застрелили Камня. К оружию!

Свист повторился. В этот раз целью стала Йомира. Стрела прошла ее сердце.

– Старшая, о нет! – разнесся стон женщин из ее свиты. – Людоеды убили Большую Мать. Чего же вы ждете, мужчины?

Толкаясь, ругаясь и вступая в скоротечные драки, воины обоих племен кинулись к пристани, где было сложено их оружие. Из леса выскакивали зеленые тени и пускали стрелы вдогонку убегающим. Азарт преследования заставлял их идти на риск, обнаруживая себя. Стрелков было очень мало. Если бы паника среди жертв прекратилась, нападавшим грозила бы неминуемая гибель...

Баниика и ее разведчицы успешно расправились с часовыми и ждали подхода основных сил. Но Патобчи задерживалась.

– Матушке-Скале нелегко преодолевать течение! – тихонько шутили девушки, наблюдая за церемонией. А красавица Мошка смотрела, забыв обо всем. Слова и действия жреца были так торжественны и прекрасны, что холодная жажда мести вдруг обернулась жгучей обидой. Ее лишили такого события! Интриганка Летучая Мышь и тупой людоед Хитари.

– Золотое сердце, любовь – это все вранье, придуманное мужчинами, чтобы подчинить нас, женщин! – яростно пробормотала она, берясь за лук. Бормоча проклятия, девушка послала одну за другой меткие стрелы. После этого разведчицам не оставалось ничего иного, как кинуться в атаку, уповая, что Патобчи и ее воительницы вот-вот пристанут к берегу. И впрямь, подбегая к реке, сквозь зелень прибрежных деревьев девушки видели, как по воде движутся крупные объекты. Флот прибыл! Победа!

Однако к берегу приставали не каноэ амазонок, а плоты императорского отряда. Пачакутек отрывистыми командами подгонял подразделения. Прекрасно обученные солдаты строились в плотные шеренги и в ногу бежали к деревне, держа наизготовку маканы и молоты.

У связок с оружием одновременно оказались воины карихона и болотного племени, а также лучницы чибча-муисков. На эту хаотичную толпу и обрушил свой страшный натиск экспедиционный отряд. Над деревней стоял громоподобный рев, отовсюду доносились стоны умирающих и мольбы о пощаде. Пиршественные ароматы были погребены под железистым запахом крови.

Все завершилось очень быстро. Пачакутек одержал убедительную победу. Тяжелой походкой триумфатора он шел в сторону пирамиды, волоча за собой оглушенную Баниику, намотав ее длинные черные волосы на кулак. В другой руке он держал кинжал из железного дерева, отобранный у девушки. Женщины, дети, старики, теснимые солдатами, отступали. У подножия стояли Соби Нофуетома, Шиботка и Пиипи. Юный касик рвался в бой, но шаман удерживал его.

– Ты уже ничем не сможешь помочь им, постарайся сберечь жену! – шептал ему мудрый старец.

Пачакутек остановился перед ними в десяти шагах.

– Великий Инка объявляет эти земли своими, а всех вас его подданными, – произнес он громко, чтобы слышали все, но адресуя слова троице у пирамиды. – Эта девица подстрелила

троих моих воинов, прежде чем я сбил ее с ног. Кто она тебе? – Этот вопрос был обращен Шиботке.

– Я не знаю ни Великого Инку, ни ее, – ответил вождь Слепень, жалея, что рядом нет его верного красно-черного копья. – Судя по внешности, она из чибча-муисков, женщин-воительниц.

– Вот как? Воительница? – насмешливо воскликнул седовласый командир. – Великий Инка не терпит, когда в его землях женщины берутся за лук и копье, вместо того чтобы растить детей и готовить еду мужу. Ваши жизни отныне принадлежат Великому Инке! – громко выкрикнул Пачакутек, поднимая слабо сопротивляющуюся девушку за волосы. – И ее жизнь тоже!

С этими словами он вогнал Банике ее собственный кинжал в солнечное сплетение и резко дернул его до самого низа. Душераздирающий крик рванулся к небу. Кровь обильным потоком хлынула убийце на ноги. Толпа отшатнулась.

– Великий Инка безжалостен к бунтовщикам. Вы его подданные, советую не забывать об этом, – спокойно сказал Пачакутек, обтирая руку о волосы бездыханной девушки. – А теперь отдайте мне то, за чем я сюда пришел. Вашему высокому господину нужно Золотое сердце. В любовь я перестал верить в семь лет, когда убил свою первую наложницу, но говорят, оно позволяет наливаясь огнем даже старческой плоти и рожать даже немощным женским недрам. А это нам и нужно.

– Сердце не должно покидать пределов этого храма, – раздался звучный голос шамана. – Мой предок Нофуетома использовал великие знания народа майя. Золотое сердце и священная пирамида связаны неразрывно. Они даруют счастье, здоровье и долголетие. Но если их разлучить, Золотое сердце будет приносить одни лишь несчастья. Великий Инка и его люди могут приехать к нам и получить все, что они пожелают, здесь.

– Ха-ха-ха! Вы держите в мудрецах полнейшего глупца! – пробирающим до костей смехом проскрежетал военачальник. – Великий Инка получит талисман в своей столице, в Куско. И твои сказочки не смогут помешать.

– Белые звери с громами и молниями придут в ваши земли, если вы отнимите Золотое сердце. Таково было слово Нофуетомы! – торжественно пообещал Соби.

– Я тебя освежую, как пекари, если ты будешь продолжать дурить мне голову и тратить мое время, – Пачакутек поудобнее перехватил кинжал и стал медленно приближаться к жрецу.

Соби обернулся к молодоженам, неожиданно тепло им улыбнулся и прошептал:

– Жадные, глупые люди не понимают, какие беды они навлекают на всех нас. Но вы двое можете и должны быть счастливы. Пусть же Золотое сердце совершит последнее чудо! А потом золото обернется чернотой!

Шаман поднял над парой талисман, что-то пробормотал, желтый металл вдруг ослепительно вспыхнул и... Шиботка и Пиипи исчезли.

Потрясенный Пачакутек озираясь по сторонам.

– Молокососы пропали! Да, шаман, похоже, я недооценил тебя. Но что-то мне подсказывает, что повторить этот трюк у тебя уже не получится...

Императорский отряд быстрым маршем двигался в сторону далеких Анд. Взятые в плен речные и болотные охотники пообещали провести их надежными тропами взамен на сохранение жизни. Золотое сердце покоилось в шкатулке красного дерева, которую Пачакутек примотал к собственному животу. Спасение многих тысяч людей теперь зависело только от скорости, с какой отряд достигнет великолепного Куско.

Выжившие карихона и канныбалы укрылись в лесу. Люди не до конца поняли смысл разыгравшейся на их глазах драмы. Одно они осознавали четко – никакого союза между болотным и речным народами отныне не будет. Для всех речников настали тяжелые вре-

мена, ведь род вождей прервался, шаман убит, а благословение Великого бога отобрано у них навсегда.

Прибывшая с опозданием в деревню Патобчи обнаружила только следы кровопролитной битвы и больше сотни убитых. Ее дочка, прелестная Мошка, лежала у пирамиды выпотрошенная. Проклятого Шиботки и его невесты след простыл. Ясное дело – скрылись от возмездия. Но чибча-муиски отныне не успокоятся, пока не отомстят убийцам. Кровь за кровь...

Слова великого мудреца Нофуетомы на самом деле оказались пророческими. Золотое сердце не спасло перуанцев от страшной эпидемии оспы, занесенной европейцами в Панаму, и сам Инка Уайна Капак умер от неведомой доселе жителям Южной Америки болезни. А вскоре испанские корабли причалили к западному побережью. И белые демоны, закованные в сталь, верхом на лошадях, приводивших индейцев в состояние ужаса, с мечами и мушкетерами в руках отправились в путь к сердцу страны.

Сын Уайна Капака – Инка Атаульпа – попытался было откупиться от алчных испанцев.

– Оро, мучо оро! – кричали бородатые чужеземцы.

Золота и впрямь было очень много – из Куско выгребли его подчистую. Вот только императору оно жизнь не спасло – Атаульпу удавили по приказу жестокого Франсиско Писарро. А Золотое сердце отправилось в долгий путь на борту одного из галеонов в далекую Кастилию. О том, что это не простое украшение, никто из завоевателей не подозревал...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

19** г.

Старокузнецк

Аптека, что досталась частному врачу Георгию Родину от отца, приносила приличный доход, однако следить за тем, чтобы микстуры смешивались в правильных пропорциях, а мази и растирки приобретали нужную консистенцию, было слишком обыденно и скучно для такого живого и свободолюбивого человека, как Георгий. Поэтому на предложение своего приятеля Андрея Юсупова, заведующего губернской больницей, каждый вторник навещать в больницу и осматривать самых сложных и спорных пациентов Родин ответил благодушным согласием и с тех пор ни разу об этом не пожалел, ведь когда трудишься не ради жалованья, а по велению души, да еще и не отвлекаясь на всякую бюрократию вроде заполнения историй болезни и муштры младшего медицинского персонала, все получается само собой, по вдохновению.

Сегодня, правда, с вдохновением не заладилось с самого утра. Родину предстояло навестить Полиньку и Юленьку Савостьяновых, молодых дочерей профессора ботаники, с которыми у Родина недавно приключилась любопытная, но истрепавшая ему все нервы история. Пережив подряд (хотя, чего греха таить, почти одновременно) две пылкие влюбленности, череду моральных и физических потрясений, едва не погибнув и не сгубив сестер, Родин нынче испытывал нечто вроде эмоционального похмелья. На душе было тяжело и неудобно, будто на грудь наступил сказочный великан, но долг благородного человека обязывал Георгия справиться о здоровье девушек. Поэтому он, вооружившись двумя букетиками из полевых цветов, решительно зашагал в сторону палаты для особых пациентов.

Больные высыпали в коридор поглазеть на знаменитого доктора, способного поставить правильный диагноз за считанные секунды. Все знали, что Родин бывает здесь нечасто, но каждый его приход воспринимался как праздник. Любому пациенту, будь то чопорная дама с фурункулом на лебединой шее или пропахший пасекой и ветошью дед с радикулитом, был по душе этот открытый и простой крепыш. Впрочем, опрятно одетый и гладко выбритый доктор был не так-то прост: его взгляд, походка и даже непослушный русский вихор выдавали настоящего авантюриста-бродягу, лишь замаскированного под врача, а на самом деле готового в любой момент выбить стекло своим рельефным телом, сигануть из окна напрямик в седло такого же крепыша-скакуна и унести навстречу приключениям, прихватив с собой пару красоток.

На подходе к палате сестер Савостьяновых Родин перехватил Юсупов и попытался увлечь его на кружку чая со свежими кренделями, только что доставленными от самого известного в городе пекаря Фадеева, но Георгий был непреклонен:

– Ты же опять, дорогой мой Андрюша, начнешь вещать про этого назойливого Бицке, а мне сейчас ну совершенно не до него, уж прости! Ежели врачебный инспектор затеет козни, касаемые моей аптеки или пациентов, я с превеликим удовольствием помогу его охолонуть! Ну а пока он тут пропажу больничных уток расследует да дырявые клистиры пересчитывает, уволь...

– Да нет, что ты, я вовсе не насчет Бицке. Этот гриб трухлявый как раз пока притих, нас не трогает. У него обострение подагры, валяется на оттоманке, ноги в тазике, укроп жует. Я по поводу сестер Савостьяновых...

– Все в порядке? – напрягся Родин, вопросительно взглянув на коллегу.

– Ну, если это можно назвать «в порядке»... Состояние стабильно тяжелое. Сильнейшее посттравматическое расстройство с частичными нарушениями памяти. Почти ничего не помнят, так, отдельные моменты, вспышки воспоминаний... Но все это больше похоже на дурной сон.

– Если бы... – Георгий вздохнул, и перед его глазами болезненными зарницами пронесли некоторые подробности того «сна».

– Так вот, хотел попросить кое о чем... Они тебя начнут расспрашивать, что да как, почему мы в больнице, и так далее. Ты с ними, пожалуйста, помягче. Не нужно пока всю правду вываливать. Расскажи общо, не вдаваясь в детали.

– Ах, ну разумеется, мог бы даже и не заикаться. Что ж я, не понимаю...

Родин дружески похлопал Юсупова по плечу и распахнул скрипучую дверь.

Яркие лучи солнца заливали просторную палату земской больницы, прорываясь через стучавшуюся в окно яблоневую крону. Не в пример погожему светлому деньку в палате, где восстанавливали здоровье сестры Савостьяновы, атмосфера царила безрадостная и гнетущая. Смотреть на Полинку и Юленьку было мучительно. Девушки с исхудавшими, измученными лицами и запавшими глазами напоминали сахалинских каторжанок. Полинке, судя по всему, было совсем нехорошо – она даже не заметила, что в палату кто-то вошел, а лишь сосредоточенно жевала уголок одеяла, стиснув его крохотными кулачками.

– Фенрир пожрет солнце, я слышу его вой, от него не скрыться! Этот кошмар приходит и приходит вновь! – жарко шептала она, дико вращая глазами.

Юленька, одетая в полосатую больничную рубашку, со странной смесью безразличия и злости на лице таранилась в стену. Сама она, благодаря упорному и решительному духу, заряжавшему очаровательную непоседу, и крепкому, закаленному упражнениями организму, значительно легче переносила последствия длительного приема зелья викингов. Черты ее по-девичьи свежего, выразительного лица заострились, в уголках губ залегла горечь, но горячечного безумия на лице не наблюдалось. Услышав звук закрываемой двери, она повернулась и посмотрела на Родину.

«Узнала, но не повеселела», – констатировал Георгий про себя и уселся на стул возле койки Полины.

Его слегка сгорбленная, могучая фигура, покрытая ниспадающим белым халатом, и взгляд пронзительных зеленых глаз, излучавших спокойствие и уверенность, делали Родину похожим на восточного мудреца. Он молча и внимательно слушал сбивчивый шепот Полинки. Когда больная наконец в изнеможении откинулась на подушку и прикрыла глаза, Родин тихонько встал, медленно подошел к окну и, распахнув оконную раму, сделал глубокий вдох. В палату пролился душистый свежий воздух, а от близстоящей церкви донесся радостный перезвон колоколов.

– Отрава выводится из организма крайне медленно, внутренние органы накапливают вредное вещество и периодически выбрасывают его в кровь, вызывая слуховые галлюцинации, бред и общее подавленное состояние. Все это, безусловно, пройдет при должном уходе, который непременно будет оказан под контролем доктора Юсупова... И при моральной поддержке, а это уж по нашей с вами части, – обратился он к Юленьке, и лицо ее вдруг потеплело и оживило.

– О, я готова не отходить от нее ни днем, ни ночью! – со слезами в голосе проговорила девушка, вскочив с койки. Склонившись над постелью сестры, она с нежностью поправляла русые локоны, разбросанные по подушке.

– Ну-ну, стоит поубавить рвение, – мягко прикоснулся к ее плечу Родин. – Ты ведь и сама весьма нездорова, твой молодой организм, конечно, одолеет яд. Сама природа поможет, но нужно отдыхать, иначе отрава возьмет свое.

Юленька поджала чувственные, слегка побледневшие губы и оборотила серьезный, пронзительный взгляд на Георгия.

– По правде сказать, я чувствую иногда, как она пытается взять верх надо мной. И тогда из волн тумана, которые застилают мою память, возникают великие и чудовищные силуэты. Но ваше лицо, Георгий, я вспомнила сразу, ваши глаза, ваш взгляд. Но почему он тревожит меня? Вы врач, да... но иногда память играет со мной странную шутку... будто бы вы... мы... Ох, простите, мне совсем плохо...

Родин слегка выпрямился и невероятным усилием совладал со своей мимикой. Юленька смотрела на него, и строгость ее взгляда сменилась болью и непониманием. Но те лукавые озорные искорки, которыми лучились ее глаза в тот вечер в Варшаве, исчезли. Она ничего не помнила, и попытка вспомнить доставляла ей страдание.

– Вы с сестрой многое пережили, – Родин старался говорить со всей уверенностью, на которую был способен, но мысли в голове крутились отнюдь не радостные. – Думаю, вам известно о похищении Полины...

Услышав свое имя, произнесенное Георгием, Полинка открыла глаза, и сквозь пелену дурмана в ее взгляде проступила осознанность.

– ...неким безумным фанатиком, с философией очень, так сказать, оригинальной, но от этого не менее ужасной. – Воспоминания о несчастных безумцах на острове, заселенном призраками древних скандинавских преданий, заставили Родина нахмуриться. – К сожалению, он смог соблазнить ею многих замечательных и чистых душой людей. С помощью наркотического зелья и своей энергии он вовлек их в осуществление древнего пророчества о Сумерках богов.

Сестры мгновенно переглянулись, мучимые призраком воспоминания.

– Благодаря невероятной удаче и с небольшой помощью... некоторых храбрецов вам удалось счастливо спастись.

Георгий невольно ухмыльнулся, перед его глазами вновь предстала Юленька – с растрепанными волосами, отбивающаяся мечом от здорового викинга и выкрикивающая при этом что-то грозное через грохот взрывов... Настоящая валькирия.

– Про все это доктор Юсупов вам уже вкратце рассказывал, но вряд ли он успел поведать вам о Юленькином поступке...

Родин убрал руки в карманы халата и, сделав несколько пружинистых шагов по палате, развернулся и пристально посмотрел на младшую из сестер – юную валькирию, теперь исхудавшую, ставшую почти прозрачной, только измученные глаза горели на лице. Противоречивые чувства боролись в Родине: он почти обрел любимую и тут же потерял. Воспоминания исчезли, чувства превратились в туман, и в этом тумане бродили, потеряв друг друга, Георгий, Юленька и Полинка.

Родин вздохнул и тяжело опустился на стул. Да-с, пусть и не сразу, но сестер из тумана нужно было выводить.

– Пытаясь спасти сестру, вы, Юленька, не побоялись рискнуть даже собственной жизнью и попали в плен.

Услышав это, Полина привстала с подушек и посмотрела на младшую сестру с таким восхищением и любовью, что эти чувства заставили морок отступить, и Георгий снова увидел прежнюю Полюшку, нежную и любящую.

Юленька, напротив, казалась смущенной.

– Бросьте, Георгий, наверняка вы поступили бы так же, если бы речь шла, скажем, о спасении вашего брата.

При этих словах молодой врач неожиданно вздрогнул, словно ему напомнили нечто давно забытое. Нервным движением сцепив руки, он уставился куда-то в сторону, сосредото-

ченно высматривая что-то в прошлом. Про брата девушек, мичмана Максима, было решено до поры до времени не говорить.

– Ну вот видите, вы помните, что у меня есть старший брат, – стараясь изобразить шутливый тон проговорил Георгий. – Значит, память понемногу возвращается.

– Да, я помню, что у вас есть брат, но совершенно не помню, чтобы вы о нем рассказывали.

– Ну-с и сейчас для этого не время... Юсупов строго запретил мне утомлять вас. – Родин замялся, что было совершенно несвойственно его решительной натуре, и, неуклюже встав со стула, ринулся вон из палаты.

Его ждали другие пациенты. По крайней мере, именно это Георгий твердил про себя, позорно сбегаая от вопросов о братьях.

Родину предстояло осмотреть работника писчебумажной фабрики, явившегося с жалобами на непроходящую болезненную эрекцию. Причем сделать это надо было как можно скорее, поскольку слух о несчастной жертве бога Приапа уже пошел гулять по больнице и возле палаты пациента беспрестанно возникало то одно, то другое любопытное женское личико. Одно из этих личиков было Родину хорошо знакомо. Беззаветно влюбленная в Георгия медсестра Анюта, румяная бойкая девчушка из деревенских, мгновенно накинулась на него с расспросами, но Родин сделал строгое лицо и сурово сказал:

– Нельзя медлить ни секунды! Если допустить гангрену, орган придется ампутировать. Вы же не хотите стать причиной того, что мужчина в расцвете сил лишится мужской сущности? А ну бегом за ледяными грелками и шприцем для пункции!

Анюта в ужасе распахнула ясные голубые глазки и унеслась в процедурную, а Родин зашел в мужскую палату и, плотно притворив дверь, принялся осматривать пациента.

Худой жилистый мужчина с очень серьезным лицом без тени смущения откинул простыню и обратился к доктору:

– Резать будете?

– Только если вы настаиваете, – приветливо улыбнулся Георгий, но тут же осекся: – Нет, резать не будем. Как долго это у вас продолжается?

– Да вот как ночью восстал, так и топорщится. Мочи нет, боль такая, будто у меня там раскаленная кочерга вместо достоинства. Часа четыре уже, наверно...

– Хм... Да, пиявками тут не обойтись. Ну ничего, сейчас снимем отек, откачаем лишнюю жидкость, и будет как новенький. Такое с вами впервые?

– Чтобы так надолго – да. – Мужчина вымученно усмехнулся и по-свойски подмигнул Георгию: – Да и так-то обычно я знаю, чем «лечиться». А тут лечусь-лечусь, а он только крепчает...

– В общем, если сия напасть вернется, придется вам лечь на обследование. Но будем надеяться, что это единичный эпизод.

Георгий вышел в коридор, чтобы перехватить Анюту с грелками, и наткнулся на Елизавету Сечину-Ледянскую, еще одну свою воздыхательницу, старую деву, мнящую себя поэтессой. Время от времени она придумывала какие-нибудь бестолковые болячки, чтобы лишний раз заглянуть к Родину на прием. Несмотря на то что никаких авансов и намеков Георгий ей не давал, неутомимая Елизавета не теряла надежды завоевать его сердце или, на худой конец, провести с ним ночь.

«Да что же за день сегодня такой...» – расстроился Родин, а вслух сказал:

– На сегодня прием окончен, приходите завтра!

– Да я ничего, я так, – засуетилась Ледянская, пытаясь незаметно заглянуть Родину за плечо. – Я и не к вам даже...

– А коли не к нам, тогда не мешайте, пожалуйста, проводить сложную процедуру.

Тут как раз подросла Анюта, но Родин и ее попросил подождать в коридоре, а сам схватил грелки и поднос со шприцем и скрылся в палате, строго-настрого наказав дамам не входить. Дамы посмотрели друг на друга с плохо скрываемой ненавистью и, фыркнув, разошлись в разные стороны.

* * *

Братья у Родина действительно были, и он действительно не любил о них говорить. Всего у отца с матерью родилось трое мальчиков: старший Сева, средний Борис и младший Женя (по ошибке его записали в приходской книге Георгием, но дома все равно все называли Женей или Еней, Енюшей).

Давая жизнь Георгию, Татьяна Дмитриевна Родина скончалась. Это привело к тому, что маленького Енюшу, белокурого ангелочка, хоть и любили, но от любви этой веяло холодом. В этой холодной любви Георгий вырос и пронес ее через всю жизнь. Сейчас, после разговора с сестрами Савостьяновыми, он снова чувствовал, как его сердце, которое совсем недавно заходило от одного лишь присутствия Полиньки, а потом Юленьки, снова леденеет. В душе было холоднее, чем на улице, а зима-то выдалась в этом году суровая. Лед на речке получился такой толщины, что жители Старокузнецка устроили там ярмарку: торговали свежевывловленной рыбой, баранками, горячим сбитнем, бились на кулачках и плясали под гармонь. Георгий смотрел на это веселье без всякой эмоции.

«Уныние – самый страшный грех, – подумал он грустно. – Надо бы исповедаться и причаститься».

Вера в Бога часто спасала Родина не только от моральных страданий, но и от самых разных неприятностей. Так, однажды ему приснилось, как ангел-хранитель позвал его во двор разгребать снег, а Георгий еще отмахнулся, мол, не его это забота, и вообще ему руки надо беречь, завтра операция сложная... Но ангел не уходил, и Родину пришлось продрать глаза и посреди ночи оставить теплую постель, чтобы выйти на холод и подышать свежим морозным воздухом. Понятно, снег разгребать он вовсе не собирался, поскольку навалило его по самые окна, а снегопад и не думал прекращаться.

Однако в ту ночь Георгий до двора так и не добрался. Выйдя в сени, он увидел, что забыл с вечера потушить свечку. Свечка полностью обгорела и огонь с нее уже готовился перекинуться на стоящий рядом веник, а там пиши пропало... Уже потом, лежа в своей постели, Георгий долго пытался вспомнить лицо ангела-хранителя, но никак не получалось. Отчего-то ему казалось, что ангел этот говорил женским голосом. Может, даже маминым... При этом Родин не был истовым христианином, скорее «захожанином», чем прихожанином. Он не ходил в храм каждую заутреню, но если уж молился, то всем своим существом, самозабвенно и с открытым сердцем.

И сейчас он ощутил острую необходимость облегчить душу, потому и направился на исповедь к отцу Феликсу – своему старому духовнику, который знал его с молодых ногтей.

Народу в храме было немного: будний день, перерыв между праздниками, да и в минус тридцать нашлось мало желающих пообщаться с Богом. Георгий по уже сложившейся привычке пропустил вперед всех, кто пришел на исповедь, и добрался до батюшки последним. Преклонив голову, он тихо, смиренно заговорил:

– Каюсь, грешен... Обидел человека. Даже двух. Двух невинных девушек, родных сестричек. На одной обещал жениться, да влюбился в другую. Потом чуть не сгубил обеих, и теперь они в больнице с сильнейшим нервным истощением, полной потерей памяти, а я... А я ничего не чувствую. Понятно, что свадьбы никакой не будет, да я, наверное, и не достоин любви. – Родин шумно выдохнул, поднял глаза и продолжил: – Я тоже словно потерял память. Прав был дед Пётра, нет знака – не женись. И Полиньке с Юленькой до сва-

дббы ли сейчас, когда им надо свой рассудок заново по крупичкам собирать... Может, потому я и не уберег этих ангелочков, что полюбил обеих, но что же мне с этим делать? Мать моя умерла родами, да вы знаете, сами отпевали... Выходит, с первой же минуты, проведенной на этом свете, я был лишен всей полноты любви. В детстве мне ласки недодали, вот она из меня и фонтанирует теперь...

Родин говорил и говорил, и с каждым словом ему легчало, будто вместе с этими словами он вытаскивал ядовитые иглы из своей нарывающей души.

Когда он выговорился, отец Феликс немного помолчал, оглаживая свою густую черную с проседью бороду, а затем спокойно произнес:

– Ты, Георгий, не забывай: с тобой всегда рядом находится тот, кто любит тебя, несмотря ни на что, – Бог. Господь любит тебя таким, какой ты есть, всего без остатка. А любовь к женщине надо в себе воспитывать, как и прощение. Прости себя и всех, кто желал или делал тебе зло, и любовь не заставит себя ждать. Наклони голову.

Отец Феликс отпустил Родину грехи, а потом повел его в церковный двор.

– Идем. Ты должен это увидеть, чтобы все понять.

Обновленный и вдохновленный словами батюшки Георгий шел за ним, вспоминая, как в этом самом храме он стоял службу со своими братьями. Вспоминал, как они строго шикали на него, когда он, маленький сорванец, баловался с выданной ему свечечкой, приставляя ее к носу, как хоботок муравьеда...

Да, много воды утекло с тех пор, уже и сам храм не кажется ему таким большим и торжественным, и лики святых с икон больше не смотрят на него с укоризной, и батюшка постарел...

А тогда, помнится, его отец, Иван Григорьевич, скучающий в своей аптеке, все твердил о хорошем образовании для детей, о ярком, интересном будущем. Здоровяк Сева стал путешественником, объездившим весь земной шар, а Боря – аналитиком Генерального штаба военного министерства. Сам же Георгий не хотел бросать отца и, закончив медицинский факультет, вернулся в Старокузнецк практикующим врачом, разместив свою практику рядом с аптекой Родина-старшего.

Через несколько лет отец умер от чахотки, на смертном одре испросив у сына прощения за свою холодную любовь и благословив его на путешествия и приключения. Но то папенька, братья же у него прощения никогда не просили – ни за свою холодную любовь и постоянные тычки, ни за то, что их не было рядом, когда умирал отец. И эта заноза не давала Родину жить в мире с собой и Богом.

Выйдя во двор, Георгий с наслаждением вдохнул полной грудью тягучий студеной воздух, да так и замер, забыв выдохнуть: перед ним стоял могучий косматый брюнет с обветренным лицом и растрепанной бородой. Брюнет смотрел на Родину папиными глазами.

«Так вот они какие, виднейшие ученые-исследователи, – по привычке едко подумал Родин, но сразу взял себя в руки. – Прощение и покаяние, прощение и покаяние...»

– Ну, поцелуй же брата, – отец Феликс легонько подтолкнул Родину в сторону бородача, но у Георгия ноги будто в клей попали. Не мог он сделать первый шаг, никак не мог.

Брат что-то хрюкнул в бороду, улыбнулся, и возле глаз его появились звездочки морщинок. Он шагнул Григорию навстречу, сгреб своего Енюшу в охапку и троекратно расцеловал.

Отец Феликс удовлетворенно хмыкнул и зашагал по снегу обратно в храм.

Глава 2

Георгий и рад был оставить брата у церковных ворот как призрак прошлого, навеянный ароматом ладана и речами духовного наставника, но этот призрак никак не хотел рассеиваться. Более того, Всеволод смотрел выжидающе и даже немного с обидой: он-то ожидал от меньшого теплого приема в студёный день, а тут от родича веяло таким холодом, что впору поверх пальто тулуп надевать.

Да, Георгий не мог скрыть: не рад он внезапному визитеру. Слишком много обид и недомолвок было погребено в толще лет, что их разделяли, чтобы теперь забыть о них. Скелеты рвались из шкафов, колотя костяшками в двери, расшатывая душевное спокойствие. Был бы Георгий малодушнее, так и вовсе сбежал бы, отмахнулся от брата, как от назойливого видения, кинулся бы очертя голову в дела и новые приключения, но не таков был Родин-младший. Он привык встречать трудности с высоко поднятой головой, привык смотреть в лицо страхам и не сгибаться под тяжестью обстоятельств, поэтому скрепя сердце пригласил Всеволода в их когда-то общий дом как дорогого гостя.

На повозке, в которой был размещен нехитрый скарб путешественника, ехали молча. Улицы Старокузнецка проплывали мимо них, рождая в каждом воспоминания о детстве. Однако у каждого брата они были свои. При воспоминании о детских забавах Енюши суровое лицо Всеволода светлело, морщины на лбу разглаживались, а из-под густой бороды нет-нет да и мелькала украдкой нежная улыбка. А вот Георгий, напротив, мрачнел с каждым переулком, будто фонарные столбы нашептывали ему нечто весьма неприятное. И когда повозка наконец остановилась у крыльца, Родин-младший спрыгнул с нее так стремительно, будто матрос, готовый ринуться на abordаж, покидал корабль. Брат не поспел за ним и едва не оказался нос к носу с захлопнувшейся входной дверью, но в последний момент Георгий взял себя в руки, остановился и учтиво отворил дверь гостю.

Возможно, Георгий и смог бы в конце концов смягчиться по отношению к старшему родственнику, но уже в сенях на них буквально налетела старая нянюшка Клавдия Васильевна. Она-то мальчиков с колыбели воспитывала и относилась к ним как к родным, так что радости от вида Всеволода не скрывала. И ее слезы счастья и нежное воркование еще больше раздражали Георгия, прежде всего потому, что он, как ни силился, не мог разделить ее чувств. Он слышал, как старушка дрожащим от волнения голосом все приговаривает о родной кровиночке, а сам вспоминал лишь, что кровь никак не мешала братьям быть с ним жестокими в детстве.

Нет, разумеется, ничего ужасного старшие Родины с младшим не проделывали, их издевки были лишь частью детской, а потом и юношеской грубости. Они шутили над Георгием, как шутят все братья: иногда зло, иногда и по-доброму, но они не находили в себе сил и желания извиняться за свои подтрунивания. Братья, суровые и строгие, не видели нужды демонстрировать маленькому непоседе свою любовь. Не хотели возиться с ним, уделять внимание, участвовать в его играх, лишь иногда снисходили до тех важных проблем ребенка, которые им казались пустяками.

Они не пытались понять или принять тот особый мир, в котором живет каждая растущая душа, он казался им глупостью, несуразностью, недостойной существования. Они смеялись над «открытиями» маленького братишки, не стесняясь, указывали на его промахи и никогда не замечали маленьких побед. Они не видели, каким восхищенным взглядом он смотрит на них, не брали на себя труд быть достойным примером. Наверное, старшие Родины были хорошими людьми, но они были плохими старшими братьями. И вот это Георгий не мог забыть, как ни старался. «Если бы не ты, мама была бы жива!» Этого он тоже

не мог им простить. Ведь они видели маму, а он нет. Даже отец, ругая братьев, тяжело вздыхал и отводил глаза.

Братья расположились в гостиной. Родин-младший устроился в своем любимом кресле, словно случайно отодвинув его от диванчика, на котором восседал старший и прильнувшая к нему нянечка, да еще и подтолкнул ногой разделяющий их кофейный столик ближе к середине, чтобы барьер стал явственнее.

Разговор не клеился. Тишина укутала собравшихся свинцовым покрывалом. Она давила на плечи, иссушала губы, как самый жуткий зной, сковывала пудовыми цепями. Казалось, этот плен разорвать невозможно! Но Всеволод все же попробовал пробиться сквозь невидимую стену, которую Георгий воздвиг между ними, как древний каменщик воздвигал стены неприступной цитадели, способной простоять многие и многие века, не рухнув ни под напором таранов, ни под все стирающим молотом времени.

– Вырос ты, братишка, возмужал, именитым лекарем стал в нашем уезде: как приехал, так только о тебе и слышу, – хохотнул Всеволод густым басом, сделав громадный глоток анисовой настойки. Пил он много, но не пьянел. – И вот сейчас гляжу я на тебя, и не верится, что когда-то ты был мелким сорванцом! Помнишь, как, бывало, забирался к Иванычу-лавочнику на голубятню да птиц его породистых, отовсюду выписанных, распугивал? Ох и гневался старик! Как припомню, как он тебя подкараулил да метлой со своего двора гнал, так до сих пор не могу сдержать смех. Хорошее было время: как ни пошалишь, а все наказание – крики да угрозы, – с этими словами Всеволод улыбнулся и незлобиво хмыкнул в бороду, отчего его суровая наружность смягчилась.

Георгий же, напротив, свел брови. Он хорошо помнил эту историю, обидную и унижительную: полгорода видело, как неуклюжий Иваныч гнал его по улицам, словно шелудивого пса. Помнил он и то, как братья с месяц над ним потешались. Правда, пару раз нащелкали по носу другим ребятам, которые вздумали повторять их шутки, но легче не становилось.

Да, братья его частенько защищали, только заступничество это было скорее, чтобы фамилию не уронить в глазах других. Георгий и мальчишкой понимал, что до его шишек на лбу и душе им дела не было. И ничего ведь не поменялось! Снова брат смотрит на него сверху вниз.

– Эх, чего ж ты хмуришься?! Неужто все еще злобу в сердце держишь на старика? Он уже сколько лет как к Богу отошел, – Всеволод покачал головой. – Да и сам ты не одному мальчугану бока-то намял. Изволь припомнить случай с Савелием конопатым... Где он нынче служит, кстати? Я дознавался у его сестрицы, да она все никак ведомство припомнить не могла. А впрочем, пустое, едва ли с ним свижусь. Ну, так помнишь ли?

Георгий кивнул. Ему и эта история была не по душе. Рыжий Савелий Фадеев по прозвищу Фингал был бойким мальчишкой года на три старше. История не сохранила причины их конфликта, но сцепились они будто рыцари на поединке чести – бились до крови. Георгий хоть и был ловкий малый, однако и Фингал сражался как лев, в атаки кидался так самозабвенно, что умудрился расквасить противнику нос и разбить бровь. На поле брани хлынули алые капли, кровь заливала глаз. Георгий предпринял тактическое отступление, которое только на первый взгляд напоминало бегство. Он бы непременно одолел врага, как только восстановил обзор, но тут в дело вмешались братья. Они драку разняли, не только лишив Родин-младшего лавров победителя, но и выставив его перед соперником трусом и мямлей, который прчется за спинами старших.

Георгий видел, что Всеволоду до сих пор невдомек, как часто он попадал впросак, когда дело касалось чувств деликатных. Может, и не хотел Сева этого понимать, ведь тогда бы оказалось, что все его счастливые воспоминания о юных годах и семейном очаге – воздушный замок, который он так тщательно возводил и оберегал в годы странствий.

– Эх, брат, совсем ты молчаливым да угрюмым стал. Наверное, заплесневел ты здесь, в провинции. Надо бы и тебе мир повидать, а то сидишь в аптеке да киснешь. Хоть батюшка наш, царствие ему небесное, и поучал, что где родился, там и пригодился, я тебе вот что скажу: мужчине надобно путешествовать. Необходимо, чтобы кровь бурлила в жилах, чтобы каждый день новое приключение! Пороху понюхать да гулы медных труб послушать – первое дело в воспитании души.

Георгий поморщился, глядя, с какой назидательной теплотой и любовью произносит эту речь брат. И ведь правда хочет заботу проявить, а снова мимо! Даже и не знает, что Георгий и на Англо-бурской войне побывал, и за греков сражался, и по миру поколесил. А уж о его последних похождениях к берегам Дании и вовсе книгу можно написать! А то и не одну!

– Хотя боев-то и у нас было предостаточно. Помнишь, как с деревенскими стенка на стенку ходили? Уж как по мне, задатки бойца в тебе уже в ту пору просматривались. Славно ты бился, бестолково порой, но смело.

Путешественник хотел еще что-то добавить, но понял, что не стоит пускаться в воспоминания и ворошить прошлое: кажется, и эта история чем-то потревожила его брата. Стараясь исправить положение, Всеволод ударил себя по лбу ладонью.

– Совсем я вас заговорил, все о прошлом да о прошлом, а подарки-то и забыл показать!

Он притянул свой саквояж, открыл тяжелый медный замок и начал извлекать из внушительных глубин разные диковины: деревянную статуэтку – по виду какой-то оберег дикого племени, несколько чудных морских раковин, раскрашенных удивительными переливами перламутра, связку холщовых мешочков и небольшую папку.

– Это тебе, брат. Оберег индейского племени, используется ими для лечения больных. Я в шаманство не верю, но занятный сувенир для тебя получился. К тому же он по виду не одну сотню лет просуществовал. А в мешочках всякие травы лекарственные, собирал специально для тебя. Может, и сгодится чего в современной медицине, я-то в этом не шибко разбираюсь, а ты, как я помню, любишь необычные вещицы. И вот еще, – здоровяк протянул Георгию папку, – здесь несколько гравюр с разными медицинскими методиками амазонских индейцев. Цены большой они не имеют, как и исторической ценности. Но изучить их чрезвычайно интересно. Может, и вдохновят они тебя на странствия к дальним берегам.

Впервые за всю их встречу Георгий смог улыбнуться. Может, брат все-таки и знал его немного, если помнил про любовь к древностям. А может, просто так совпало. Все же сувениры из путешествий по свету редко бывают совсем уж неинтересны.

Между тем Всеволод повернулся к любимой нянюшке, она смотрела на него сияющими от восторга глазами. Еще бы, она-то видела перед собой знатного путешественника, прошедшего огонь и воду и вернувшегося на родину овеванным славой и с несметными сокровищами.

– Клавдия Васильевна, а вам я отыскал чудесный талисман, – он протянул женщине небольшое, с кулачок младенца, золотое сердечко на кожаном шнурке. Подвеска была старая, немного потемневшая, несущая на себе «пыль веков».

Старая няня расплакалась и крепко обняла Всеволода. Георгий наблюдал за этой сценой с явной досадой: он был чужим на этом празднике в своем же собственном доме, и ему было немного печально, что он не имел с родным человеком такой связи, какую имела Клавдия Васильевна с воспитанником.

Наконец, отстранившись, Всеволод проговорил низким зычным голосом:

– Это, конечно, не все, что я привез. Основные экспонаты отправятся в столицу, даже ящики распаковывать не буду, боюсь повредить ценные для науки предметы, но кое-что достанется и старокузнецкому музею. Завтра устрою официальную встречу, приглашаю и тебя, – обратился он к брату. – Оценишь плоды моих трудов вместе с профессором Смо-

родиновым. Как он, кстати, поживает? Я сразу к тебе отправился, не успел справиться о его здоровье, не говоря уж о личном визите. Он же твоим учителем был, да?

Георгий замялся: несколько месяцев назад профессор пропал в горах Крыма при весьма примечательных обстоятельствах. Ну не рассказывать же сейчас все перипетии той загадочной истории с поиском секретного оружия крымских ханов, в которой, кроме местных авантюристов, фигурировали международные шпионы и английские аристократы?! Георгий также участвовал в том деле, которое будто активировало череду чрезвычайных происшествий в его жизни...

– Он не работает больше, ушел на пенсию и уехал... в Крым. Поближе к морю. Вроде в горах живет, – дипломатично ответил Родин-младший.

– Как жаль... А что же Иван Гусев, сынишка его приемный, с ним отправился? Или в городе еще? Вы же не разлей вода были! Я порой думал, что он тебе больше брат, чем я...

– Он в Америку уехал, – быстро ответил Георгий, чтобы не ляпнуть, что собеседник прав: Иван, что бы ни было между ними во взрослой жизни, в детстве был ему как брат.

Всеволод покачал головой.

– Вот оно как... Многие, я смотрю, разлетелись кто куда. Да и я не задержусь: только экспонаты передам, и снова в путь. Столица ждет! А там и новая экспедиция соберется. Я, дорогой мой брат, люблю нашу малую родину, но столько дорог еще не хожено... Не могу я на месте усидеть. Вот только что из Бразилии и собираюсь сделать доклад о своих приключениях и находках.

Глава 3

– Ну вот, Енюшка, сейчас оценишь мой улов, – сказал Родин-старший, когда они с братом подходили к старокузнецкому музею. – Некоторые артефакты представляют большой научный интерес, ты же все детство не вылезал из экспедиций с профессором Смородиновым, должен понимать, что иногда один глиняный черепок во много раз ценнее золотых монет и украшений.

Вспомнив профессора, Георгий покачал головой и раздраженно посмотрел на брата. Да, старик привил ему мысль, что археология – это не только авантюры и поиск сокровищ, а еще и кропотливая научная работа. Но слышать слова своего старого учителя от Всеволода показалось ему неправильным и неприятным.

– Все экспонаты распакованы, и с ними с самого утра работает эксперт из академии наук, из самого Петербурга. – Всеволод почему-то произнес слово «эксперт» с особой интонацией, и в глазах его заиграла усмешка.

Георгий вопросительно поднял бровь. Какие еще шутки его ждут?

– О, сейчас ты сам все увидишь, не переживай, разочарованным не останешься.

Они как раз подошли к дверям музея, и Всеволод толкнул тяжелую створку, украшенную гербом Старокузнецка.

В холле музея, у подножия широкой мраморной лестницы, директор Погорельцев почтительно беседовал с молодой женщиной – высокой, тонкой, почти на голову возвышавшейся над почтенной лысиной Саввы Лукича. Одета она была в строгий, но изящный, коричневой шерсти дорожный костюм, довершала образ буйная копна огненно-рыжих волос.

«Вот так эксперт!» – успел подумать Георгий. Он ожидал увидеть важного академика в роговых очках или обветренного загорелого бородача-путешественника наподобие брата, но никак не женщину. Весьма красивую женщину, со странным смущением отметил молодой врач.

Погорельцев и его собеседница обернулись на стук двери. Братья Родины отряхивали снег с воротников и топали ногами у входа.

– А вот и Всеволод Иванович, и Георгий, сердечно рад, – Погорельцев заспешил через холл, чтобы пожать им руки.

– Рад представить, Жернакова Ирина Николаевна, прибыла в наш скромный музей из столицы, с утра уже здесь занимается инвентаризацией.

Ирина выступила вперед и с улыбкой протянула руку для приветствия, но ее слегка раскосые светло-карие глаза смотрели серьезно.

– Всеволод Иванович, здравствуйте, не знала, что вы родом из Старокузнецка. Прекрасный город, а музей и вовсе замечательный, Савва Лукич уже провел для меня экскурсию.

– Добро пожаловать! – улыбнулся Всеволод. – Разрешите представить вам моего брата – Георгий Родин, наш, можно сказать, коллега. Участвовал в раскопках курганов Ахмет-бея в Крыму, кроме того, прекрасный врач.

– Ну уж рядом с тобой я в археологии просто дитя, – язвительно ответил Георгий. – Первое дело для меня – это клятва Гиппократы. А прославлять отчизну научными открытиями отлично получается у тебя. – И он с вызовом обернулся к Всеволоду, тон Георгия был холоднее сосульки.

Жернакова с интересом оглядела Родина-младшего, фигурой больше напоминавшего спортсмена-гиревика, чем врача.

– Однако вы похожи на брата и не похожи одновременно. – Ирина внимательно посмотрела Георгию в глаза.

– Ну что же, пройдемте наконец наверх, – предложил Всеволод. – Еще успеете наговориться. Георгий в этих делах у нас мастер. Думаю, Савве Лукичу интересно будет узнать, что я собираюсь передать немалую часть моих находок родному музею.

В историческом зале старокузнецкого краеведческого музея обстановка была не обычная. Вдоль стен, а также у постамента, на котором располагался скелет мамонта (дар профессора Мерзляева и гордость экспозиции), стояли деревянные ящики разных форм и размеров, подписанные по-испански «*suavemente*» и «*frágil*». Директор музея Савва Лукич Погорельцев, потирая руки, прохаживался вдоль рядов в крайнем возбуждении. Через каждые несколько шагов он останавливался и, поправляя пенсне, вглядывался в очередную находку, неизменно восклицая:

– Удивительно! Удивительно!

Наконец покончив с восторгами, он обратился к старшему из братьев Родиных:

– Всеволод Иванович, да таким находкам позавидовал бы сам Александр Гумбольдт! Жаль, конечно, что большинство самых ценных экспонатов отправляются в столицу, но возможность хотя бы прикоснуться к этим удивительным реликвиям – уже огромная честь для меня.

И снова схватившись за пенсне, Погорельцев начал завороченно изучать сверкавшую из упаковочной стружки статуэтку инкского бога-громовержца Апокатекиля, держащего в руках золотые стрелы.

Всеволод Родин стоял поодаль и придирчиво осматривал шлем конкистадора, который вполне мог принадлежать одному из кабальерос Франсиско Писарро. В этом шлеме обветренный и загорелый Родин-старший и сам напоминал бы отчаянного конкистадора.

– Прошу простить, Савва Лукич, – лукаво улыбнулся Всеволод, – но кое с чем я расстаться пока не могу. На многое из представленного здесь с большим интересом посмотрят господа из Петербургской академии наук. Не честно было бы оставить их с носом. Не правда ли, Ирина Николаевна?

Всеволод выразительно посмотрел на Жернакову, совершенно поглощенную спором с Георгием. Предметом разногласия была похожая на русскую палицу дубинка-макана с шестигранным нефритовым набалдашником.

– А я вам говорю, что нет здесь никакого сакрального смысла, шипы имеют назначение прикладное – они должны ранить, но не убить, – Ирина тряхнула огненными волосами. – Инкам были нужны рабы, а не мертвецы.

– Тут не может быть никакой случайности, каждая мелочь о чем-то говорит. – Георгий смотрел на ее непокорно сведенные тонкие рыжие брови и чувствовал себя как на вершине горы, когда холодный ветер пьянит и будоражит. – Хотя, признаться, поражен вашими познаниями, несколько необычными для такой изящной и...

– И?... – Ирина с веселой иронией взглянула на Родин. – Вас смущает, что женщина разбирается в оружии лучше вас? – Хотя она старалась держаться насмешливо, в блеске рысьих глаз и в движениях высокой тонкой фигуры чувствовалось влечение к этому коренастому ладному человеку с такими пронзительными зелеными глазами, которые заставляли незаметно для остальных ее сердце сжиматься всякий раз, когда они встречались взглядами. Но научный азарт будоражил кровь ничуть не меньше, чем неожиданно вспыхнувшая любовь.

– Внешность способна обмануть. – Ирина, не спуская глаз с Родина, прошла вдоль оружейной стойки. – Я тоже совершенно не ожидала такой просвещенности в области археологии от старокузнецкого аптекаря, да и осанка ваша только с первого взгляда медвежью напоминает. Фехтуете? – Жернакова сделала разворот, больше напоминающий балетное па, и повернулась к Родину, сжимая в руках испанскую казолету с серебряной гардой, покры-

той тонким орнаментом. Время заставило клинок потемнеть, но прекрасная сталь была ему не подвластна. Такой шпаге позавидовал бы любой кастильский дворянин.

Родин невольно улыбнулся: знакомство едва состоялось, и уже столько сюрпризов. Определенно, близость Ирины и ее пусть и скрытое за холодной маской, но жаркое влечение к нему заставляло его сердце стучать в туземный тамтам.

– Случалось в студенческие годы. – Георгий мгновенно вспомнил лицо своего соперника Юсупова, и по нескольким тонким шрамам от тренировочной рапиры пробежал холодок. В долю секунды он подобрался и приготовился парировать неловкой с виду индейской дубинкой.

Ирина сделала шуточный выпад, как бы издеваясь над нелепым оружием противника, но ловкое ответное движение Георгия заставило ее гневно нахмуриться, и следующая атака была куда как более опасной. Родин скользнул по мраморному полу музея, отбил клинок один раз, другой и неожиданным движением корпуса прижал девушку к дощатому борту ящика. Теперь только скрещенное оружие разделяло их.

Ирина, порывисто дыша и сверкая карими глазами, глядела на Георгия, он же в ответ не спускал с нее своих зеленых и таких же пронзительных глаз.

– Па конте! Укол не присуждается никому! – Голос Всеволода прервал их поединок. – Енюша! Ирина Николаевна! Эдак вы ничего не оставите для экспозиции.

Георгий обернулся к нему с раздражением в пылающем взгляде.

Всеволод смотрел на младшего брата, которого привык считать квелым и миролюбивым, и видел, как разжигает его огонь волос Ирины, пробуждая в нем фамильные качества.

– Давайте перейдем к делу. Артефакты, означенные в списке, нужно подготовить к отправке до обеда. Савва Лукич?..

Погорельцев так и стоял с открытым ртом. Он давненько знал Георгия Родина, но таких выходов за ним раньше не замечал.

* * *

Вызванные с железнодорожной станции мужики, пачкая мраморный пол сапогами и крестясь при виде скелета мамонта, под неусыпным контролем Родина-старшего перетаскивали драгоценный груз. Оставив Погорельцева разбирать богатые дары, а Всеволода руководить отправкой артефактов в столицу, Георгий пригласил Ирину к себе домой. Красавица с радостью согласилась – ей не терпелось увидеть коллекцию ятаганов, собранную еще с профессором Смородиновым во время крымских раскопок.

Когда пришло время прощаться с братом, Георгий с натянутой вежливостью осведомился, собирается ли тот явиться к ужину, но Всеволод, целиком поглощенный сохранностью драгоценных находок, которые подвыпившие по случаю мороза мужички норовили угробить, сухо ответил:

– Извиняй, брат, загостился я у вас. Да и работать мне надо, а у тебя с утра шум-гам, пациенты болезные. Я лучше к Енгальцеву в гостиницу переберусь. Ты уж прости... Эй! Что ты творишь там, каторга! Это тебе не мешок с мукой!

Георгий, не дослушав, кивнул с непроницаемым лицом и, не удостоив брата рукопожатием, вышел из зала. В глубине души он, конечно, был рад избавиться от Севиных докучливых попыток примирения. Да и сегодня брат мешал бы вдвойне, подумал Родин, вспомнив про Ирину.

После недолгой прогулки по темнеющим улицам они расположились в гостинной у Георгия и отогревались с мороза горячим чаем, щедро приправленным крепким бальзамом.

Поглядывая украдкой на Ирину, Родин невольно сравнивал ее с Анютой, медсестрой из земской клиники. Конечно, юная румяная Анюта боготворила Георгия и наслаждалась,

как праздником, каждой минутой, проведенной рядом с ним. Но куда ей было до изысканной и тонкой красавицы Ирины, которая наконец сняла холодную маску и сидела теперь рядом на тахте, поджав ноги, улыбаясь и поправляя огненную шевелюру.

– Я ведь тоже сирота, Георгий, – прошептала она, – и знаю, что такое вырасти одной. Моя мама была известной путешественницей, историком и археологом, чуть ли не первой женщиной в России, которая была знакома с Гумбольдтом. Я поклялась превзойти ее и училась стрелять, фехтовать, скакать охлюпкой у лучших учителей... Мама учила меня стрелять, и знаете, ее подарок, винтовочный патрон, я всегда ношу с собой. Это символ того, что надо уметь не только любить, но и стрелять, так говорила мама.

– Ирина... вы прекрасны...

– Георгий... мой милый Енюшка... я простая, совершенно обычная женщина... Могу ли я поверить в то, что вы меня любите... Сон... Мне это снится...

Нянюшка смотрела на прекрасную пару в приоткрытую дверь и утирала слезы. Клавдия Васильевна всю жизнь жалела вихрастого мальчонку, носившего на себе бремя смерти матушки. Все братья осиротели, но только его она любила больше всех, только ему тайком подкладывала в карманы штанишек леденцы и разные приятные мелочи вроде глиняных дудочек, обрезков цепей или красивых камушков. Всю свою жизнь Клавдия Васильевна мечтала понянчить деток своего Енюши, но ни одна из его зазнобушек в их доме почему-то не задерживалась.

Нянюшка не знала, надолго ли столичная красавица Ирина вошла в жизнь Георгия, но она видела, какими глазами тот смотрит на нее, и потому была готова поддерживать его во всем. А вот что оказалось – тоже сиротинушка. Может, найдут друг друга две бедовые головы, поддержат, и сплетется одно могучее дерево из двух подрубленных...

Клавдия Васильевна направилась в свою комнатушку, где в обшарпанной деревянной шкатулочке с резными узорами хранились милые ее сердцу безделушки: иконка-образок с изображением святой Клавдии, нательный крестик покойного мужа, прядки волос всех трех братьев и тот самый золотой кулончик в виде сердца, что подарил ей Сева.

Без колебаний выцепив огрубевшими, но все еще ловкими пальцами кулон из шкатулки, нянюшка вернулась в гостиную, где Георгий и Ирина с аппетитом поедали ее ватрушки, запивая их горячим чаем.

– Возьми, деточка, на добрую память, – сказала нянюшка, протягивая золотое сердце Ирине. – Мне такую красоту примерять не по возрасту уже, да и окромя крестика я никогда ничего не носила на груди...

– Что вы, Клавдия Васильевна! – Ирина всплеснула руками, покосилась на Георгия и зарделась. – Это очень дорогой подарок, я не могу его принять!

– Ну вот, опять заканителилась! – Няня добродушно засмеялась и решительно вложила кулон в изящные ладошки смущенной девушки, а про себя подумала: «Поди ж ты! Столичная девка, а краснеть не разучилась! Авось хоть в этот раз Енюше повезет...»

Георгий вскочил со своего места и принялся целовать нянюшкины руки, едва сдерживая слезы. Клавдия Васильевна, тихонько всхлипывая, хотела уже поскорей закончить с этими щемящими душу ритуалами и заняться своими обычными делами, но ей все равно была приятна эта редкая в ее возрасте и положении нежность.

– Ну что ты, что ты, касатик... Совет да любовь, совет да любовь.

Нянюшка погладила Родина по голове, подмигнула Ирине и выскочила из гостиной, чтобы позволить влюбленным побыть наедине.

Ирина еще некоторое время похлопала глазами в растерянности, да и нацепила кулончик на свою длинную золотую цепочку, так что заморское сердечко улеглось аккуратно между двух прекрасных грудок. Родину при виде такого удачного размещения подарка, а может от нянюшкиного чая, стало жарко.

За интересной беседой время летело незаметно. На улице уже стемнело и, кажется, начиналась метель, но Ирина с Георгием старались не смотреть в окно, чтобы ненароком не впустить в свой только набирающий краски мирок суровую реальность. Девушка не торопилась уходить, а молодой врач не хотел с ней расставаться. Так сильно не хотел, что не заметил, как девушка начала позевывать и поглядывать в сторону оттоманки.

– Может быть, моя просьба покажется вам странной... – тихим голосом сказала Ирина. – Но... можно я прилягу ненадолго? День выдался тяжелый, и я как представляю, что мне сейчас ехать через эту метель, по холоду... Да и что-то в сон клонит, может, после чая...

– Что вы, не надо никуда ехать! По крайней мере, не сейчас. Вы полежите, я пока почитаю, а потом вместе отужинаем. Нянюшка сегодня запекает гуся, а это, скажу я вам, такое блюдо – просто пальчики оближешь. Я велю достать из погреба вина, ну и... В общем, ложитесь, я принесу вам плед.

Пока Георгий ходил за пледом, Ирина уснула так крепко, что хоть из пушки стреляй. Родин, укрывая возлюбленную, не удержался и дотронулся до ее волос. Они, как жидкий огонь, охватили ее плечи и прокрались за вырез декольте. И в этом пламени ослепительной искрой сверкнул нянюшкин кулон, будто предостерегая: «Руки прочь!»

Молодой доктор сделал шаг назад, посмотрел на свою Спящую красавицу и отправился в кабинет – коротать время до ужина.

Глава 4

Через пару часов Георгий счел, что пора бы Ирине проснуться. На закате, как говорится, лучше не спать: вместе с солнцем может сесть за горизонт и твоя душа. Но войдя в гостиную, Родин увидел престранную картину: рыжеволосая столичная красавица сидела на оттоманке не шевелясь и невидящим взглядом уставилась в одну точку. С нехорошим предчувствием Георгий наклонился к лицу гостьи и громко позвал:

– Ирина?!

Но девушка превратилась в истукан, точно кто-то заморозил или высосал из тела ее душу, оставив одну красивую оболочку. Родин тряс ее за плечи, сжимал узкие кисти, подносил спичку к лицу, чтобы посмотреть, реагируют ли зрачки на свет. Он даже ущипнул ее разок, но и это не помогло. Ирина Жернакова словно превратилась в восковую фигуру из музея мадам Тюссо.

– Кататонический ступор, – утвердился в своем диагнозе Георгий. – Может быть симптомом шизофрении или следствием депрессии. Что ж они там, в своем Петербурге, совсем научные кадры не берегут?!

Родин позвал няню и велел срочно послать за Юсуповым, чтобы как можно скорее доставить Ирину в больницу. Нянюшка переполошилась не на шутку и по дороге забежала еще и к отцу Феликсу, так что тот явился первым и, призвав Георгия не впадать в отчаяние, начал истово читать над несчастной молитву святого Киприана об исцелении одержимых нечистыми духами:

– ...Вознеси к Господу благомошную Твою молитву, да оградит нас от падений наших греховных, да научит нас истинному покаянию, да избавит нас от пленения диавольскаго и всякаго действия духов нечистых, и избавит от обидящих нас. Буди нам крепкий поборник на вся враги видимыя и невидимыя, во искушении подаждь нам терпение и в час кончины нашей яви нам заступление от истязателей на воздушных мытарствах наших, да водимыя Тобою достигнем Горняго Иерусалима и сподобимся в Небесном Царствии со всеми святыми славить и воспевати Всесвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Раньше Родину доводилось несколько раз быть свидетелем обряда экзорцизма, а потому его вовсе не прельщала перспектива увидеть эту привлекательную и гордую девушку катающейся по полу в жутких конвульсиях. Но если ей это поможет, он готов был делать все, что от него потребуется.

Однако действия отца Феликса не приводили ровным счетом ни к чему. Он читал молитвы все громче и громче, щедро окроплял девушку святой водой, размахивал кадилом, но нечистому духу все было нипочем. То ли дело было не в нем и у Ирины на самом деле имелось некое психическое заболевание, то ли бес был слишком силен для приходского священника...

Взмыленный батюшка заявил, что пойдет стоять всю ночь за здоровье рабы Божьей Ирины, и поспешно удалился. Тут как раз в гостиную вломился запыхавшийся Юсупов, успевший только разуться. Заснеженную шапку и тулуп он расшвырял по сторонам и кинулся к Ирине. Нянюшка стояла в сторонке, обеспокоенно причитая:

– Да что ж это такое-то, как же ж так! Она же вот только чайку с ватрушечками откушала и больше ничего... Никуда не выходила, ни с кем не разговаривали, кроме Енюши.

– Ватрушечки твои не виноваты, нянюшка, – поспешил успокоить старушку Георгий. – Ты иди, отдыхай, мы сами разберемся...

* * *

Пока Ирину, укутанную с ног до головы, везли в больницу на широких больничных санях, Родин пришел к неутешительным выводам: если не помогут медикаменты, придется применять экспериментальные методы лечения, о которых он только читал в научных журналах, но никогда не применял на практике. Думать о том, что излечить мозг столичной гостьи можно только путем его частичного повреждения, Георгию не хотелось.

В больнице на них тотчас налетела Анютка. Со слегка притворным от распирающей ее ревности сочувствием она засуетилась вокруг Ирины – больную требовалось переодеть в пижаму и уложить в койку.

– Ах, какой красивый у нее кулончик! У нас таких не купишь... А в столице-то вон какие ювелиры, волшебники прям!

Георгия не на шутку разозлило неуместное легкомыслие сестры милосердия, и он сделал ей внушение:

– Что вы, Анна, все о побрякушках, не видите, в каком состоянии пациентка? Не время цапки разглядывать. К тому же не из столицы это сердце, а из самых дебрей Амазонки. Такого нигде не купишь, даже в столице. Займитесь уже делом, в конце концов!

Но, к сожалению, как бы рьяно Юсупов и Родин не занимались делом, ни будоражащий душу нашатырь, ни разгоняющие кровь примочки, ни применение психоактивных препаратов не дали никакого эффекта. Столичный эксперт Ирина Жернакова так и осталась лежать на койке прекрасной куклой с фарфоровой кожей и пустыми, ничего не выражающими глазами.

– Чай с ватрушками и правда ни при чем, – кусал губы Георгий. – Что-то вызвало шок...

Мысли роились в голове Родина, ударялись друг о друга и разлетались в стороны, чтобы, оттолкнувшись от черепной коробки, встретиться вновь и причудливо переплестись. Перед внутренним взором мужчины мелькали впавшие в ступор конкистадоры с кровоточащими медальонами в руках; седые шаманы на фоне непролазных древних лесов, таящих в себе древнее зло; Ирина, будто горящая в огне собственных волос... И все эти образы сменяли друг друга так часто, что в висках застучало. Опытный эскулап сразу уловил первые признаки подступающей мигрени. Странно, такого с ним не случалось уже много лет...

Последний раз головные боли мучили его после возвращения с Греко-турецкой войны. Это была импульсивная поездка: Георгий бежал на войну от боли из-за смерти отца, от душевных метаний и неопределенности. Его семья в одночасье распалась: отец отошел в мир иной, братья разъехались, отчий дом, опустев, стал просто холодной избой...

А он остался на развалинах своей прежней жизни совершенно растерянный: Старокузнецк стал не мил, но и пускаться в приключения не было никакого желания. Чтобы окончательно не пасть духом и не начать жалеть себя, Георгий и отправился добровольцем на войну. Впрочем, он не любил рассказывать об этом периоде жизни: слишком много печальных воспоминаний рождалось в его душе. Родин так тщательно охранял свое спокойствие, что о его волонтерском труде под пулями янычар никто, кроме дотошных работников архива Главного управления Российского отделения Красного Креста, толком и не знал.

Но сейчас, видимо, пережитый стресс и полное смятение почему-то возвращали Георгия именно в те времена, когда маленькое Греческое королевство первым на Балканах отводило себе свободу от гнета Османской империи...

* * *

Война, как это часто бывает, не только разделила две стороны в непримиримой схватке, но и сплотила тех, кто верил в мир и гуманизм: со всего мира к театру боевых действий стягивались врачи.

Не остались в стороне и русские эскулапы (тем более речь шла о борьбе братьев по вере за свободу не только государственную, но и духовную). В 1897 году великий князь Сергей Александрович решил отправить санитарный отряд Иверской общины из двадцати человек не в греческую, а в турецкую армию. Поступок дальновидный: потомки султанов-завоевателей пленных лечить не стремились. Впрочем, к эллинам тоже выехали врачеватели из Российского отделения Красного Креста.

После молебна княгиня Елизавета Федоровна благословила всех отъезжающих образом Иверской Божией Матери и пожелала благополучного возвращения. Георгий не сомневался, что именно это благословение и спасло ему жизнь: не раз он оказывался под пулями, спасая раненых на самой линии фронта, но снаряды облетали его, будто вокруг был раскинут невидимый купол. Бог, верно, хранил Георгия для одной встречи.

Кроме русского врача на войну также отправился и греческий священник, немолодой уже отец Романос. На поле брани этот глубоко верующий человек пошел движимый истинным милосердием: он не брал в руки оружие, не прикрывал спины своих сограждан, он спасал их души, помогая встретить смерть, причащая, исповедуя и соборую. Бесстрашие священника перед лицом смерти, мудрость его речей и способность даровать минуты просветления в самые мрачные часы сделали отца Романоса настоящим героем. Его почитали за чудотворца даже те, кто был далек от веры. Георгий, слышавший рассказы о необычном священнике, тоже проникся к нему уважением и искренним восхищением.

Больше всего молодого человека, не лишённого в те годы вольнодумства, которое многие сочли бы мыслями богоборческими, поражало то, что отец Романос проповедовал совсем не так, как было принято в храмах: его речь была лишена пафоса и торжественности, каждое слово было просто и понятно. Даже к туркам, которые веками угнетали его народ, а теперь без всякой жалости убивали на полях брани, он относился с любовью.

«Христос – это любовь, – говорил отец Романос тихим вкрадчивым голосом. – И только осознание этой простой и такой, казалось бы, по-детски наивной истины может остановить те ужасы, что происходят в мире. А ее непонимание делает людей эгоистичными, циничными, алчными и жестокими, превращая веру в фанатизм, который вкладывает в руки оружие. Любовь слепая превращается в дамоклов меч, что висит над миром и, срываясь, рубит все на своем пути, калеча жизни, сметая города и страны, оставляя лишь пепел и слезы... Но разве это оставил нам Христос?» – вопрошал отец Романос в записанных корявым почерком полуграмотных вояк проповедях, которые попадали в руки Родину в госпитале в Фарсале. Эти пожелтевшие, часто окропленные кровью листочки бойцы за свободу и независимость хранили у сердца, умоляя читать им перед смертью.

Георгий, который в тот момент искал ответы на многие вопросы, разумеется, страстно хотел лично встретиться с этим необычным священником. Однако, когда в разгар битвы под Домокосом отец Романос, тяжело раненный в живот, появился возле палаток с красными крестами, Георгий искренне пожалел о своих чаяниях: судьба сыграла с ним поистине злую шутку, превратив его сердечное рвение к просветлению в свидание со смертью.

Несломленный перед лицом бездны, не испугавшийся боли, не отрекшийся от своих убеждений, с ясным взглядом, отец Романос, будто не чувствуя свинец в своей плоти, шел к палаткам врагов с проповедью о любви и братстве, всеобщем благоденствии и про-

щении. Он будто весь сиял светом истинной веры, как старец с иконы. Маленький, окровавленный, великий.

Этот его поступок впечатлил даже янычар Османской империи: никто был не в силах поднять оружие. Все чувствовали в этом иноверце, святом дервише, нечто такое, что заставляло склонить голову перед истинным посланником небес.

Турки позволили Родину увести священника в палатку Красного Креста. И там, на дощатой жесткой койке, отказавшийся от морфина и уже умирающий отец Романос продолжал говорить, успокаивать, давать надежду тем, кто к нему обращался. Пришел и Георгий. Он не собирался испытывать старика, он хотел получить ответы на вопросы, которые искренне его волновали. Но их было так много, а время, будто песок, ускользало сквозь пальцы. Казалось, оно было осязаемо, и вместе с ним по крупичкам жизнь покидала и священника.

– Говори, сын мой, говори все, что у тебя на душе. Вижу, мечется она и нет ей покоя. Мне осталось не так много в этом мире, и меня уже ждет суд Божий, но я не боюсь его, ибо знаю, что Господь милосерден. А что гнетет тебя?

Певучий, наполненный солнцем Греции голос отца Романоса звучал как прекрасная песня путника, который наконец-то нашел уголок для отдыха после долгого пути. Услышав эти слова, Георгий, будто помимо собственной воли, выпалил:

– Зачем нужны храмы и все это золото, роскошь, богатства, ведь верить в Бога можно и без них, дома, на площадях, в этой палатке? Христос в сердце, разве нет?

Старик лишь улыбнулся, как улыбается родитель неумному вопросу своего любимого дитя: без злой насмешки, без высокомерия и чувства превосходства, но лишь радуясь, что ребенок хочет познать мир вокруг. Хочет понять, а не заучить. Хочет разобраться и принять истину.

– Где двое соберутся во Имя Мое, там и Я среди них. Почему бы дому Бога не быть красивым. ... – Романос осторожно взял руку Георгия, будто это он был болен, и положил себе на грудь, туда, где под кожей и ребрами обычного человека билось сердце, которое, казалось, не могло принадлежать смертному. – Не о том ты думаешь, дитя. Оттого-то Господь не всегда в твоей душе. Оттого люди и стреляют друг друга, ибо перепутали любовь со страстью и похотью. Так белое станет черным, а полет превратится в падение. Ищи любовь. Найди любовь в своем сердце. В сердце мира. Любовь к этому миру. Сынок.

Георгий почувствовал невероятный подъем, ему стало тепло, будто в него влили солнечный свет, на секунду он ослеп, а потом и вовсе потерял сознание, не вынеся силы этого всепоглощающего чувства. Никогда – ни до, ни после – он не испытывал ничего подобного.

Когда Родин очнулся, вокруг уже суетились два санитар: один проверял его пульс, а второй укрывал простыней лицо отца Романоса который отправился на встречу с Создателем, со светлой радостной улыбкой, будто и не смерть он встретил, а новое рождение.

* * *

Сердце. Георгий как вкопанный остановился посреди больничного коридора, так внезапно, что сзади на него налетел санитар, несущий стерильные хирургические инструменты. Загрохотал по полу металлический поднос. Родин отчетливо вспомнил ощущение тщедушной груди святого старца под своей ладонью, затухающее биение его сердца. Георгий резко развернулся и поспешил в палату к Ирине, не удостоив взглядом ошарашенного санитаря. Мысли роились и гудели у него в голове как разбуженные пчелы. Ну конечно же, любовь, обращенная во зло, сердце – символ любви, как же раньше ему не пришла на ум притча отца Романоса. Молодой врач неся по коридорам земской клиники, и его зеленые глаза метали молнии. Встречные пациенты и медсестры едва успевали убраться с дороги, недоуменно

глядя вслед. У Родина зрел план – безумный, конечно, идущий вразрез медицинской науки, но чутье подсказывало, что попробовать стоит.

Глава 5

Отчаянно мела поземка, а низкие облака льнули все ближе к земле. В десяти шагах уже ничего нельзя было разглядеть. Колочее одеяло намеревалось укутать Старокузнецк и не открывать его белому свету в ближайшие пару-тройку дней.

Больничный возница с укоризной посмотрел на Георгия, когда тот велел закладывать сани, но ничего не ответил и отправился исполнять распоряжение. Но увидев, что Родин намеревается отправиться в путь в одной шинельке, заросший бородой до самых глаз здоровенный детина недовольно крикнул:

– Ей-богу, барин, не повезу вас – греха на душу не возьму. Наденьте тулуп, сделайте милость. С улицы выехать не успеем, как околеете!

Хоть Георгий и торопился – это было совершенно очевидно, – а ультиматуму подчинился. Пряча улыбку в густых кущах на лице, извозчик пробасил:

– Куда путь держать прикажете? Хорошо бы недалеко – вон какая выюга разыгрывается. Пропасть нынче – дело пустяшное.

– Да уж я и не рад, что заработал репутацию сорвиголовы, – усмехнулся Георгий. – Нет, в дальние путешествия я покуда не собираюсь. Правь к гостинице енгальчевской – небось с пути не собьемся.

Ехать было недалеко, но тщательно расчищаемые дороги уже основательно замело. Лошадка с трудом бежала по рыхлому снегу, порой проваливаясь по колено. Пару раз Георгию и вознице приходилось вылезать из саней и помогать савраске преодолевать глубокие сугробы.

«Лишь бы он до метели не выехал, а сейчас-то уж у него и не получится», – размышлял Родин.

К крыльцу гостиницы Георгий прибыл раскрасневшимся, в клубках пара, валящих из-под тулупа, но при этом с онемевшими от пронизывающего ветра пальцами и побелевшим кончиком носа.

– Господин Родин не съехал ли еще? – первым делом осведомился он у портье.

– Нет-с, он намеревался покинуть нас около обеда, но со станции сообщили, что все поезда из-за бурана отменяются. Господин Родин был в ярости, но ничего не попишешь, да-с. Он занимает номер двенадцатый. Прикажете проводить?

Однако Георгий велел услужливому молодому человеку стрелой направиться в ресторан Будылина, что располагался через дорогу, и снабдил его длинным перечнем желаемого заказа. В довершение доктор сверкнул серебром и вложил монету в ловко подставленную ладонь. Глаза портье сверкнули умной преданностью, как у хорошего служебного пса, и он рысью помчал сквозь снег и ветер.

Родин медленно поднимался по ступеням, тщательно обдумывая, как бы выстроить беседу со старшим братом. Мириться ему претило. Восставала гордость, хоть он и признавался самому себе, что был несправедливо резок и холоден. К тому же не восстановление родственных отношений занимало Георгия более всего в данный момент, а странная кататония Ирины. Было ли ее первопричиной загадочное украшение?

Рациональный ум врача восставал против этого предположения. Но богатый жизненный опыт и годами воспитанная склонность к всестороннему анализу склоняли его к тому, чтобы собрать максимум информации и лишь затем строить версии и делать выводы. На душе у него бесновалась буря, ничуть не уступающая разгулу стихии за стенами. В смятенных чувствах Георгий постучал в тяжелую резную дверь.

– Не заперто, входите! – резко ответили из номера.

Родин переступил порог. Всеволод в тяжелом темном халате метался по просторной комнате, как большой сильный зверь в тесной клетке. В руке блестела серебряная фляжка. Увидев младшего брата, он резко остановился и изумленно надломил бровь:

– Вот уж кого я не ожидал увидеть! Признавайся, братец, это тебя выюгой сюда замело, а?

Сарказм в голосе Всеволода был вполне заслуженным, и Георгий почувствовал, как к лицу приливает кровь стыда. «Хорошо, что щеки еще от мороза не отошли!» – мельком подумал он.

– Нет, я приехал нарочно.

– Полно, стоило ли стараться? Твоя любезность была такой ледяной, что питерская холодность теперь воспринимается, как испанская горячность.

Георгий вполне искренне склонил голову – это соответствовало его плану примирения, но упреки были совершенно справедливы и били, словно пощечины, по его совести.

– Прости, брат! – сказал он, словно бросившись в море с высокой скалы. – Слишком много всего было, слишком много крутилось в голове...

– Кхе-кхе... – откашлялся Всеволод, не ожидавший столь контрастирующего с недавним поведением Георгия откровения.

– Я так понимаю, что ты уже был готов отбыть, – Родин-младший обвел рукой аккуратно составленные в углу чемоданы, баулы, свертки и узлы.

– Ага. В столице скоро должно состояться заседание Русского географического общества, и мой доклад об обычаях народов Анд и Амазонии заявлен в качестве ключевого. Сам понимаешь, упустить миг славы, к которому шел годами, – смерти подобно. Знаешь, моя карьера очень зависит от ряда лиц, и мне надо к каждому подобрать ключик, а время не ждет... Но суровая зима родного края смешала все карты! – Родин-старший беспомощно развел руками и сокрушенно покачал головой.

– Скоро буря пройдет, отправишься в Петербург, и твой доклад признают блестящим! – проникновенно произнес Георгий. – Но в этой задержке есть, может быть, воля Господа.

– Мы с тобой с ранних лет знаем, что неисповедимы пути Его. В чем дело, что еще за мистика?

– А в том, что есть у нас теперь время по-братски сесть за стол и поговорить! – глядя в глаза Всеволоду, твердо сказал младший брат.

– Хо-хо, вот это дело! Но я же совершенно не готов, у меня только ром и сухари, – начал было заулыбавшийся путешественник, но тут в дверь постучали, и после приглашения войти лакеи принялись заносить в номер подносы с едой.

Чего там только не было... В супнице белого фарфора еще булькала только снятая с огня наваристая архиерейская уха. В многочисленных хрустальных розетках горками лежали закуски: белужья икра, налимья печень, говяжий студень с едким хреном да ядреной горчицей, сопливые грузди и хрустящие рыжики. На огромной посудине с соленьями в продуманном беспорядке располагались моченые яблоки, пупырчатые огурцы, пучки черемши и холмы квашеной капусты – и обычной белой с брусникой, и красной со свеклой, и крупно порубленной таежной с можжевельниковыми ягодами да морошкой. На тарелках калибром помельче рябило от обилия нарезок: был там и бок кабаньих копченый, и медвежатина, выдержанная на ветру, и белоснежное свиное сало, и рулеты по-господски да покрестьянски, и селедка лозьвинская, и осетринка астраханская. Вмиг обширное помещение переполнилось дразнящими ароматами.

– А начнем мы с тобой с заветной нянюшкиной наливочки! – Георгий вытряхнул из бездонной меховой рукавицы штоф темного стекла и заговорщицки подмигнул брату.

– Как же, помню! – обрадованно воскликнул тот. – Вот уж угодил, чертяка!

– Кулебяки-с будут сей же момент! – сладко пропел портье. – Без них я рекомендую вам не начинать ушицу – букет-с не тот-с. А галантин-с да судачок-с поспеют попозже... – Кланяясь, он задом открыл дверь и вывалился наружу.

Приняв изрядно наливочки и разносортных водок из саквояжа Всеволода, отдав должное всему бесконечному перечню блюд из будылинской кухни, братья блаженствовали, на английский манер потягивая херес перед камином. Всеволод живописал невероятные приключения, которые ему довелось пережить в диких землях Южной Америки.

Георгий слушал вежливо и с искренней внимательностью, так что старший брат, вливая в себя наливку стакан за стаканом, разгорячился:

– Брось, это еще ерунда!

О Золотом сердце путешественник поведал вскользь, и Георгию пришлось вернуться к теме заморской загадки по окончании повествования.

– А откуда же взялось это Сердце? – с хитрым хмельным прищуром забросил он удочку.

– Видишь ли, я оперирую фактами. Это соль, самая суть Русского географического общества, – серьезно ответил Всеволод. – И весь мой опыт ученого свидетельствует о том, что большим количеством преданий окружены фальшивки и пустышки. А эта вещичка чересчур уж легендарна. Да и попала она ко мне из весьма подозрительных рук...

– Ну-ка, ну-ка! – заинтригованный Георгий подался вперед.

– Купил я ее в Картахене-де-Индиас, большом порту на Карибском побережье Колумбии. За сумму символическую – пару бутылок виски. Сбыл мне ее один ирландец, сгоравший от лихорадки. Он все твердил: «Я расплачиваюсь за страшный грех, за святотатство! И это виски успокоит мою душу, а если повезет, то и тело, навсегда». Звали его Фергюс. И он поведал, что несколько лет назад в этом самом городе вместе с друзьями-янки ограбил древний бразильский монастырь Санту-Аледжандри. Я там как раз проводил раскопки неподалеку, и отец Лоренцо, настоятель монастыря, страстный историк... Впрочем, это неважно. Отчаянные душегубы эти янки, судя по словам Фергюса. Промышляли грабежом железных дорог на Диком Западе. Однако за их головы назначили такую награду, что пришлось банде унести ноги из североамериканских штатов. Подались на юг, поверив рассказам, что в бывших испанских колониях все в золоте купаются. Как в стихотворении Эдгара По... – Всеволод вдруг вскочил на ноги и сильным басом продекламировал:

Надев перевязь
И не боясь
Ни зноя, ни стужи, ни града,
Весел и смел,
Шел рыцарь и пел
В поисках Эльдорадо.
Но вот уж видна
В волосах седина,
Сердце песням больше не радо:
Хоть земля велика –
Нет на ней уголка,
Похожего на Эльдорадо¹.

– Так вышло и с нашими разбойниками. Прибыв в Венесуэлу и облазив все окрестные болота, они убедились, что местные племена нищие как лягушки, а золото только у важных кабальерос. Но они окружены такой охраной из головорезов, что северных гостей передуд-

¹ Перевод Э. Гольдернесса.

шили бы, как хорьки курят. Вот и положили глаз разбойники на монастырь. Янки-то что – они все протестанты, для них католические священники все равно что еретики. А Фергюс, даром что католик, поддался греху алчности. Перебили злодеи монахов у ворот и немало добра церковного прихватили. А среди прочего – и индейское украшение золотое в виде сердца. Очевидно, один из обращенных к Христу индейцев либо исцеленный силой молитвы от недуга принес эту безделушку в дар святому. Знаешь, эти двоеверцы даже у нас, в России, иногда вешают золотые украшения на иконы – то ли как жертву, то ли как плату за работу... А что взять с неграмотного индейца?

Всеволод с сожалением уставился на опустевшую бутылку из-под наливки, даже поглядел в горлышко, как астроном, – действительно, ни капли. Пришлось снова лезть в сак-вояж и извлекать неизвестно какую по счету фляжку.

– Текила! Индейская самогонка из агавы. Не желаешь?

Слегка спьяневший Георгий отказался, и Всеволод, сделав пару добрых глотков, продолжил:

– И с той поры на головорезов обрушилась череда несчастий. Кого в кабаке зарезали, кто в море утонул, кого змея ужалила – остался от них один лишь Фергюс, да и тот одной ногой в могиле. Говорил, что поскитался он немало по Южной Америке, а в Картахену вернулся грехи замаливать. Говорил также, что от бабки своей, ирландской колдуньи, черпавшей силу из озер Килларни, получил он дар чутья. И мол, почуял он, якобы это сердечко не простое, а заговоренное. А как услышал, что я собираюсь в Амазонию, так закричал: «Вас сам Создатель направил ко мне, сэр!» После чего выложил мне байку о том, что побрякушка принадлежала неким речным индейцам, а потом ее отняли силой. Рассказал он мне и о том, как эта вещь стала известна европейцам. Признаться, именно этот отрывок легенды и заставил меня увериться в ее полном несоответствии реалиям. Железными людьми были конкистадоры. Эта вещичка, пусть она и изящна, и украшена странными письменами, не могла так влиять на судьбы великих завоевателей. Просто та кровавая эпоха обросла легендами. И история о Золотом сердце – лишь одна из прочих. К тому же ювелиры Картахены, а потом Венеции и Москвы в один голос уверяли меня, что вещь эта современная. Время не оставило на золоте свой след, хотя и должно было. В общем, я не выполнил просьбы ирландца – найти в Амазонии тех самых индейцев и вернуть им сердце. Не было в том ни малейшего смысла. Умиравший человек нуждался в выпивке и ради нее сочинил красивую историю. Кельты этим умением с давних времен славятся, знаешь ли.

– Да уж... – задумчиво протянул Георгий. – Как бы там ни было, по всем признакам, ты совершил удачную мену – пару бутылок горячительного на ценный золотой предмет и дивную сказку вдобавок. Однако ж поделись ею со мною. Ибо Сердце мне уже знакомо, а легенда, его сопровождающая, еще нет.

– С удовольствием. Сна у меня до сих пор ни в одном глазу, а буря все не стихает. Так слушай же... – И Всеволод начал рассказ.

Перед Георгием, словно живое полотно, разворачивалась история почти четырехсот-летней давности...

* * *

Прибытия золотого каравана с нетерпением ожидал весь Кадис. Через главные морские ворота Испанской империи уже прибыл вестник от величайшего первопроходца-аделантадо со времен великого генуэзца Колумба. Франсиско Писарро, затмивший славу Нуньеса де Бальбоа и Фернана Магеллана, на легком скоростном корабле отправил своего младшего брата Эрнандо.

Тот домчался за одну ночь из порта в столичную Севилью, пал к ногам величайшего властителя Европы императора Карлоса Пятого и произнес:

– Ваше величество, Новая Кастилия, или же царство Инков, завоевана для вас моим братом. Он прибудет вскоре с великой добычей!

Карлос милостиво выслушал молодого конкистадора, наградил его по-королевски и отправил в Кадис встречать удачливого брата. О внимании, которое монарх уделил покорителю новых земель, говорил тот факт, что главой комиссии по встрече Писарро он назначил самого Эрнана Кортеса – знаменитого завоевателя Мексики.

Жители Кадиса издревле были мореходами. Этот порт основали в незапамятные времена финикийцы – ловкие купцы и непревзойденные моряки. Предания гласили, что нет в Европе города более древнего и столь обласканного вниманием богов и духов соленых пучин. Горожане фамиллярно именовали Средиземное море *Mare Nostrum*, что в переводе с латыни значит «Наше море». И кому, как не жителям Кадиса, было знать обо всех опасностях, которые таит дальний переход. Жестокие штормы Атлантики ежегодно собирали свою дань со смельчаков, бросавших вызов океану. Кровожадный правитель Алжира Хайр эд-Дин Барбаросса со своими пиратами грабил, убивал и угонял в рабство как одиночные корабли, так и целые флотилии. Надо было быть невероятно везучим сукиным сыном, чтобы провести караван без потерь. И удачливее дона Франсиско Писарро, пожалуй, не нашлось бы человека во всем Старом и Новом Свете.

На востоке еще только разливался нежно-розовый рассвет, когда от маяка, выбивая из булыжной мостовой искры, промчался на горячем жеребце племянник алькальда – главы города.

– Паруса на горизонте! – истошно вопил он. – Это плывет золото! Золото прибывает в Кадис!

Обыватели распахивали ставни и перекрикивались друг с другом: «Что, сарацинские пираты?» – встревоженно охали кумушки. «Нет, это галеоны с великой добычей из Нового Света!» – уверенно басили бородатые лавочники и ремесленники. Сотни людей высыпали на улицы, голосили и восклицали. Солдаты городской стражи, кузнецы, зеленщики, рыбаки, воры-карманники, попрошайки – все они ощущали себя причастными к великим завоеваниям, совершенным за океаном. «Оро! Мучо оро!» – город гудел, словно растревоженный улей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.